

Роман, полный музыки эпохи биг-бэндов и любви длиною в жизнь.
Мелодии, шутки, влюбленности, потери — невесомое
и воодушевляющее чтение.

Адриана Трижиани
Жена Тони

«Фантом Пресс»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Трижиани А.

Жена Тони / А. Трижиани — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-865-0

Эта семейная сага начинается в золотую эпоху биг-бэндов, когда джаз в Америке звучал везде и всюду, – в 1930-е. Это история талантливого парня и не менее талантливой девушки из простых итальянских семей. Оба мечтают связать свою жизнь с музыкой и добиться успеха. Чичи живет в большой и дружной семье на берегу океана, вместе с сестрами она поет в семейном трио «Сестры Донателли», но если для сестер музыка – лишь приятное хобби, то Чичи хочет стать профессиональным музыкантом, петь, писать музыку и тексты песен. Саверио ушел из дома, когда ему было шестнадцать, и с тех пор он в свободном плавании. Музыкальная одаренность, проникновенный голос и привлекательная внешность быстро сделали его любимцем публики, но ему пришлось пожертвовать многим – даже своим именем, и теперь его зовут Тони. Однажды Чичи и Тони встретятся на берегу океана, с этого дня их судьбы будут тесно связаны, и связь эта с каждым годом становится все сложнее и запутанней. Амбиции, талант и одержимость музыкой всю жизнь будут и толкать их друг к другу, и отталкивать. «Жена Тони» – семейная эпопея длиною в семьдесят лет, пропитанная музыкой, смехом, слезами и обаянием. Любовь и верность, стремление к успеху и неудачи, шлягеры и гастроли, измены и прощение, потери близких и стойкость – всего этого будет в избытке у Тони, но прежде всего у его жены, решительной, обаятельной и прекрасной Чичи.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-865-0

© Трижиани А., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

Мой мир перевернулся	7
1	8
2	29
3	44
4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Адриана Трижиани

Жена Тони

© Елена Сафф, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

* * *

Памяти сестер Перин – Виолы, Эдит, Хелен и Лавинии

Мой мир перевернулся (текст Чичи Донателли, 1938)

Беги от нее,
Отрицай, проверяй,
Ее не разбить —
Это любовь, малыш.
Ты желаешь ее,
Ты нуждаешься в ней,
И ее не прогнать —
Это любовь, малыш.

ПРИПЕВ:

Пока я пою эту песню,
Перевернулся мой мир.
Вверх пляшут ноты и вниз.
Да ты волнуешься, милый?

Если любишь меня, так скажи, не молчи,
Брось лукавить, на меня не вали.
Ты ведь любишь меня, ну признайся?
У Амура все стрелы летят прямо в цель,
И сейчас он попал в тебя с самых небес.
Нет сомнений — да и к чему?
Ах ты милый болван —
Это любовь, малыш.

ПРИПЕВ

1

Сочельник 1932 года

*Feroce*¹

Пытаясь согреться, Саверио Армандонада просунул руки под стоявший у него на коленях жестяной судок с обедом. Трамвай отъехал от остановки на Честер-стрит и направился к заводу «Ривер Руж».

Неделю назад мать связала Саверио на шестнадцатилетие коричневые шерстяные перчатки. У перчаток не было подкладки, и лежавшему на дне судка горячему, только что из печи, пирожку в тряпице предстояло греть пальцы. Пока Саверио не сядет в открытый грузовик, развозящий рабочих по цехам.

Трамвай грохотал в синеватой предрассветной мгле по заснеженным улицам Южного Детройта. То и дело он останавливался, подбирая новых пассажиров, пока все вагоны под завязку не заполнились мужчинами, создававшими автомобили для Генри Форда.

По утрам в трамвае пахло чистотой – борным порошком, кастильским мылом, хлорным отбеливателем. Джинсы, фланелевые рубашки, белье, носки, парусиновые комбинезоны и рабочие фартуки мужчин были отстираны и отутюжены либо дома матерями и женами, либо прачками в общежитии. А на обратном пути в вагонах уже разило как в раздевалке.

Утром пассажиры ехали серьезные, как на литургию, а вот вечером, после десятичасовой смены, вагоны звенели весельем, смех и шутки пробивались сквозь висевший в воздухе густой дым от самокруток и пятицентовых сигар.

Хотя Саверио сравнительно недавно работал на заводе Форда, однако, проведя на конвейере неполный год, он уже начал кое в чем разбираться. Например, он мог отличить кафельщиков от сталерезов, кладовщиков от рудокопов, докеров от электриков. Кочегаров, заправлявших коксовые печи, выдавали согнутые спины; ладони с въевшейся черной металлической стружкой – инструментальщиков, а ремесло стеклодувов навеки отпечатывалось на их лицах: резиновый ободок защитных очков оставлял на лбу глубокую морщину. За свою жизнь Саверио успел насмотреться на этот отличительный знак: Леоне, его отец, работал стеклодувом на заводе «Ривер Руж» с 1915 года.

Но Саверио умел не просто определить по виду, кто чем занимается, – он знал, на какой работе специализируется каждая национальность. Немецкие иммигранты собирали моторы, а югославы их устанавливали. Итальянцы склонялись к столярному делу, работе со стеклом и, вместе с чехами, к инструментам и штампам. Поляки отвечали за формовку стали, загрузку горнов и любую работу с огнем. Албанцы трудились у коксовых печей, венгры грузили тяжести и обслуживали конвейеры и мосты. Ирландцы были специалистами по установке электропроводок, коробок передач и радиаторов. Шотландцы виртуозно приделывали петли, паяли и подрезали.

Обивка, настилы и подножки были в ведении финнов, норвежцев и шведов; речными доками, в том числе отгрузкой и доставкой товаров, а также спуском судов, заправляли греки. Турки и ливанцы шили матерчатые тенты и мелкие детали внутреннего убранства. Местные чернокожие, жившие в самом сердце города, трудились на цианидной плавильне, а еще управляли железной дорогой на территории завода и чинили ее при надобности. Это была обширная система, одних только паровозов шестнадцать штук, а рельсов в общей сложности сто миль.

¹ Бурно, дико, неистово (*ит. муз.*).

Поезда прибывали, груженные углем и железной рудой для производства стали, и уходили, увозя на продажу по всему миру изготовленные на заводе автомобили.

А руководили всем американцы из семейств английского происхождения, некогда прибывших на «Мейфлауэре»². Рабочие с конвейера называли их «студентами» независимо от того, сколько десятков лет начальство уже не ступало ногой в университет. Сто тысяч мужчин ежедневно входили в ворота завода «Ривер Руж»: рабочие – шесть дней в неделю, начальство – пять.

Вот и сейчас ворота раздвинулись, пропуская набитый рабочими головной трамвай, в котором сидели Леоне с Саверио. Следом потянулись остальные части каравана. Под пронзительный звук свистка двери вагонов раскрылись перед перроном. Мужчины вылились потоком, поспешно пересекли перрон и полезли в грузовики с открытыми кузовами, которым предстояло развезти их по местам.

Леоне последним запрыгнул в уже переполненный кузов. У отца Саверио были мощные плечи отделочника, а силищи хватало, чтобы самостоятельно поднять кабину автомобиля. Он обернулся, выудил сына из толпы и опустил его рядом с собой, будто мешок яблок.

– Подождете, – отмахнулся Леоне от оставшихся на перроне, задвинул решетку и запер задвижку на борту кузова, загораживая путь новым пассажирам.

Народ заворчал, но никто не осмелился прямо возражать этому силачу.

Саверио стало неловко, что отец так явно отдал ему предпочтение, пропустив впереди других. Ведь как только человек доезжал до своего цеха и компостировал пропуск, начинался отсчет рабочего времени, которое мистер Форд обязан был оплатить. Ценилась каждая минута.

Неторопливо ехавший к заводу грузовик внезапно попал в выбоину, и пассажиров тряхнуло. Саверио ухватился за решетку, чтобы не упасть. Он не очень-то свободно чувствовал себя на заводе. Порой ему приходилось трудно – везде царило соперничество, за все приходилось бороться, тяжелая нагрузка никогда не становилась легче. Ему было неуютно в толпах и казалось неловко толкаться, чтобы встать на место получше и воспользоваться случаем впереди кого-то другого. Привыкнет ли он к этому когда-нибудь? Он не любил, не умел быть частью стаи.

Порывы ледяного ветра подули с реки и закружились вокруг грузовика. Пошел снег. Саверио поднял голову, разглядывая густые белые облака, между которыми проталкивалось на горизонте восходящее ярко-красное солнце. Игравшие на небе цвета напомнили ему сладкую *ciambella*, пышную итальянскую выпечку, залитую свежей мичиганской черешней в сладком сиропе, и он затосковал по теплым летним дням.

Грузовик остановился у погрузочной площадки стекольного цеха, и работавшие там люди начали выходить. Порывшись в своем судке, Леоне вынул уложенный женой сверток с мелким имбирным печеньем, переложил его в судок сына и выпрыгнул из кузова. Леоне не попрощался со своим единственным ребенком, а сын не пожелал отцу хорошего дня.

Саверио проследил взглядом за фигурой отца, скрывшейся за дверями цеха. Отец помахивал жестяным судком, как фонарем. Этот беззаботный жест показался его сыну неожиданным – он редко видел отца таким.

К середине утра снег пошел густо, по-настоящему, хоть и мгновенно таял, растекаясь серебристыми струйками по стеклянной крыше цеха, горячей от работавшей под ней электрической аппаратуры. Под этим белым стеклянным потолком все, происходившее на конвейере,

² «Мейфлауэр» – английское судно, на котором англичане, основавшие одно из первых поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан. Впоследствии потомки этих первых колонистов позиционировались как своеобразная американская аристократия. – *Здесь и далее примеч. перев.*

было видно до мельчайших подробностей. Саверио быстро промокнул лоб красным платком – его выгладила и положила ему в карман мать.

Юноша стоял у конвейера. Чтобы выполнить свою работу, ему не требовалось ни наклоняться, ни поворачиваться, ни сгибать спину, ни поднимать плечи. Ровно на уровне пояса перед ним проехал «форд V-8» модели 1932 года, и он приладил ручку на дверь водителя.

Не оставалось времени любоваться автомобилем, а жаль, тот был просто загляденье. Темно-синий кузов из мичиганской стали, салон обит черной кожей, пуговицы на изогнутых сиденьях обтянуты тем же материалом – все это представлялось Саверио вершиной шика. Он вообразил себя за рулем, в шляпе-хombурге и пальто-дипломате, а рядом сидит любимая девушка, и он везет ее по лесам Гросс-Пойнта.

Инструмент Саверио, гаечный ключ особой модели, разработанной на заводе Форда, был отлично сбалансирован по весу. Ручку обтянули резиной, а зажим зафиксировали точно по размеру болта. Беспалая перчатка на правой руке позволяла Саверио точно управлять инструментом. За размещение болта и шайбы отвечал предыдущий в очереди рабочий конвейера. Мальчику оставалось приставить гаечный ключ к болту и одним плавным движением крутануть ключ до упора, до беззвучного щелчка, – это значило, что болт надежно закреплен. Едва сняв гаечный ключ с одного прикрученного болта, Саверио был готов захватить им следующий – так оно и шло, болт за болтом, минута за минутой, час за часом, девятьсот семьдесят восемь автомобилей за день, десять часов в день, шесть дней в неделю.

Теперь эта операция казалась ему простой, но поначалу конвейер вселял ужас. Саверио помнил, как втайне ликовал в свою первую рабочую неделю, когда поток останавливался, – новая работа казалась ему непомерно сложной, и он был уверен, что не справится с заданной скоростью. Рабочие насмехались над теми, кто допускал ошибку, не давали им проходу своими шуточками. Однако вскоре благодаря упорству и усердию он овладел техникой гаечного ключа, и сейчас неполадки на конвейере только раздражали его, как и любые другие причины, по которым процесс мог встать. Он пришел сюда работать и собирался трудиться на совесть.

Рабочие с конвейера обедали в комнате для отдыха, где стояли ряды обшитых алюминием деревянных столов. Саверио втиснулся с краю скамьи рядом с отделочниками. Всегда было приятно посидеть во время получасового перерыва. Он выложил перед собой содержимое жестяного судка: увесистый пирожок, имбирное печенье, термос с яблочным соком и, вот неожиданность, теплую треугольную слойку с яблоками.

Саверио откусил от пирожка. Под тонкой корочкой обнаружилась сытная начинка – тушенная до мягкости, мелко нарезанная говяжья вырезка, полукольца томленного в сливочном масле лука, кубики моркови и толченный картофель. Он медленно пережевывал выпечку, наслаждаясь стряпней матери, – он был голоден и знал, что если есть быстро, толком не насытишься.

Потягивая теплый яблочный сок, он наблюдал за группой мужчин вокруг расположившегося за соседним столом старика – это был торговавший вразнос ливанец. В праздники начальство позволяло коробейникам приходить на завод и предлагать рабочим свой товар во время перерывов. На прошлой неделе Саверио купил у приветливой румынской пары пачку льняных носовых платков для матери, а отцу – новую трубку и пачку табака «Блэкджек» у коробейника из Лексингтона, что в штате Кентукки.

- Что он продает? – спросил Саверио у соседа по скамье.
- Золотые украшения. У тебя есть девушка?
- Она пока не моя, – признался Саверио.
- Будет твоя, если купишь ей что-нибудь.

Доев, Саверио обтер рот, сложил салфетку и вернул ее в судок, который отправил на полку рядом с остальными. Затем присоединился к своим товарищам, разглядывавшим укра-

шения, выставленные на черном кожаном футляре, который раскладывался, как шахматная доска.

Ровные ряды изящных золотых цепочек посверкивали на плоских бархатных подушечках. Одни были ажурные, как кружево, другие собраны из плоских чеканных звеньев, напоминавших ободок старинного кубка, третьи состояли из хрупких перекрещенных колечек, как те, что соединяли бусины четок, по которым молилась мать Саверио. На гладких деревянных стержнях красовались кольца. У коробейника нашлись и простые обручальные из желтого золота, и изысканные, усыпанные драгоценными камнями в сверкающих филигранных оправках, от разноцветных мелких агатов до блестящих овальных, квадратных либо совсем крохотных самоцветов. Было в этой россыпи что-то цыганское, но попадались и изящные украшения.

В центре футляра, в первой коробочке, выстланной черным бархатом, лежало платиновое кольцо с кружком ярко-синих сапфиров. Свет плясал на синих гранях камешков, как пляшет солнце по гребням волн на озере Гурон. Рядом было еще одно сногшибательное кольцо: граненый ободок с гроздочкой изумрудов цвета морских глубин. А при взгляде на третье Саверио пожалел, что не родился принцем. Ослепительное кольцо с сердечком, выложенным из мелких бриллиантов. Казалось, весь свет в помещении отражается в его гранях.

– Нравится сердечко? – спросил у него коробейник.

Кольцо действительно очень понравилось Саверио. Его заворожили простота формы и сверкание камней.

– Если я тут и тысячу лет проработаю, – ответил он, – оно все равно будет мне не по карману.

– Это правда. Тогда, может быть, брошку для твоей матери?

– Наверное, нет.

– Значит, тебе требуется подарок для кого-то другого, – ухмыльнулся старик. – Для твоей девушки?

– Ага, – вздохнул Саверио. – Для моей девушки.

Он почувствовал себя немного виноватым, потому что назвал своей ту, которая пока ему вовсе не принадлежала, но кто знает, если он вслух признается в своих чувствах, вдруг это сработает, станет правдой и Черил Домброски действительно однажды будет его девушкой.

– А что ей нравится?

До Саверио вдруг дошло, что он понятия не имеет. Черил была самой красивой девушкой, которую он видел в своей жизни. В хоре церкви Святого Семейства она пела великолепным сопрано. Ей было семнадцать. Она родилась второй в большой семье польских католиков. Отец ее работал электриком, братья играли в футбол. У нее были золотисто-рыжие волосы, изящная длинная шея и голубые глаза ровно того же оттенка, что и сапфиры коробейника.

– Если она блондинка, бери желтое золото, – продолжал коробейник. – Брюнетка – значит, платина. Итальянские девушки обожают любое золото, желтое, белое, только бы не самоварное.

– Боюсь, сэр, у меня не хватит денег ни на какой из ваших товаров.

Мужчины постарше переглянулись и рассмеялись.

– Абель пойдет тебе навстречу, – заверил мальчика один рабочий, на вид ровесник его отца.

– Правда?

Саверио посмотрел на Абеля, и тот кивнул в знак согласия, затем спросил:

– Сколько у тебя денег?

– Я могу потратить три доллара, – решительно сказал Саверио.

– За пять ты можешь купить вот это, – поднял Абель изящную золотую цепочку, которая сверкала, вращаясь на свету, совсем как локон Черил.

– Бери! – посоветовал ему другой рабочий. – А еще одна у вас найдется? Для моей дочки.

Абель кивнул:

– Конечно. Золото – лучший подарок, который можно преподнести молодой девушке. Это говорит о том, что ее ценят, ею дорожат, ее холят и лелеют, – произнес он нараспев, укладывая цепочку в бархатный футляр.

Рабочий протянул коробейнику пятидолларовую банкноту и спрятал коробочку в карман.

– И мне дайте такую же, – решился Саверио, доставая из заднего кармана зажим с деньгами.

Абель покачал на свету другую золотую цепочку.

– Восемнадцатикаратное золото. Прямо из ливанских гор, где я родился. Это золото пересекло два континента и один океан, чтобы попасть тебе в руки. У него особые свойства. – Абель взял у Саверио деньги и аккуратно уложил украшение в коробочку. – Понимаешь, о чем я?

– Не-а, – признался Саверио.

– Это значит, что цепочка не просто изготовлена из самого ценного металла на земле. Она обладает особой силой. Она принесет счастье тебе и той юной леди, которая ее наденет. Ты доволен?

– Если она будет довольна, я буду счастлив.

Коробейник усмехнулся.

– Все, что создано на свете человеком, создано, чтобы произвести впечатление на женщину.

– Все?

– Абсолютно. Каждое произведение искусства, украшение, песня, стихи или картина.

– А когда Диего Ривера писал свои фрески, он не произвел впечатления ни на кого, кроме Эдсея Форда, – возразил Саверио.

– Мистер Форд, может, и нанял его писать фрески, но за работой Ривера думал не о своем благодетеле. Каждый раз, набирая на кисть краску, он вспоминал какую-нибудь женщину. Видишь ли, ни одна в мире статуя, мост, каменное здание или стальной автомобиль не были изготовлены для того, чтобы прославить мужчину. О нет, их создавали, чтобы показать женщине, на что способен мужчина. Никогда не забывай: мужчина рожден, чтобы служить ей. Запомнишь это и поверишь в эту мудрость – счастливо проживешь свою жизнь и умрешь счастливым.

– Да мне бы Рождество пережить, – сказал Саверио, засовывая бархатную коробочку поглубже в накладной карман рабочих брюк. Однако, возвращаясь на свое место на конвейере, он подивился, откуда старик узнал, что Черил Домброски мерещится Саверио в кабине каждого автомобиля, которому он приделывает дверную ручку.

– Эй, Пикколо! – позвал его какой-то рабочий из задней части трамвая (то есть Малыш – так называли Саверио его товарищи). – Спой что-нибудь.

Саверио кивнул, показывая, что услышал, но петь отказался:

– Берегу голос для полночной литургии.

– А мы тут не все нынче до церкви доберемся, – признался сталерез из Третьего корпуса. – На вечер у нас запланированы картишки, так что давай, парень, спой нам.

– Ша, парни! Сынок Леоне сейчас горланить будет, – заорал другой.

– Тихо! Да заткнитесь вы! – Кафельщик стучал жестяным судком по трамвайному поручню, пока все мужчины в вагоне не замолкли в ожидании. – Давай, Пик.

Леоне Армандонада прикрыл глаза, прислонившись спиной к задней стенке вагона. Он привык к тому, что его сын часто выступает на людях. У мальчишки голос как бархат, и будь то свадьба, похороны или просто поездка на трамвае, то и дело кому-то хотелось послушать, как поет Саверио. Мужчины притихли. Стук колес о рельсы и скрип деревянного настила, когда

рабочие переминались с ноги на ногу в шатком вагоне, были достаточным аккомпанементом для Саверио.

Юный итальянец прикрыл глаза и запел «Ночь тиха»³.

Слушая, как сын выводит старинный рождественский гимн, Леоне снял шляпу и провел рукой по редющему темному ежику, уставившись на дощатый пол вагона.

Саверио схватился покрепче за вертикальный поручень трамвая, чтобы удержаться на ногах, но его слушателям поручень показался стойкой микрофона в шикарном ночном клубе. Те мужчины с завода «Ривер Руж», которые слышали, как поет Саверио, считали, что у парня сценическая манера и талант не хуже, чем у любого солиста в передаче «Спой!», чрезвычайно популярной на детройтских радиоволнах. Саверио пел, они внимали с тихим почтением, и слова плыли у них над головами. А когда он дошел до строки «радость светлую в Нем найти», на всех снизошло умиротворение. Саверио модулировал свое исполнение так, чтобы оно соответствовало езде под гору и поворотам трамвайных рельсов: он подошвами чувствовал ритм. Допевая последнюю ноту в слове «Христос», он задержал дыхание, вытягивая ноту и позволяя ей тихонько погаснуть, как в записи на граммофонной пластинке. Окончание вышло так чисто, будто его вырезали в воздухе ножом.

Рабочие от души похлопали юному певцу, сопровождая аплодисменты громким свистом и таким топотом, что вагон закачался.

– Еще одну! – крикнул кто-то.

Саверио посмотрел на отца.

– Нет, – сказал Леоне голосом, не допускавшим возражений. – На сегодня хватит.

– Мы можем пустить шляпу по кругу, Леоне, если дело в этом.

Весь вагон от души расхохотался.

– Держи свою шляпу при себе, – отшутился Леоне. – И монеты свои тоже.

В этот сочельник Саверио едва ли не бегом преодолел весь путь от дома до церкви Святого Семейства. Свежевымытые волосы были еще влажными под кепкой, лицо покалывало от лимонного одеколона, которым он плеснул себе на щеки после бритья. Собственно, ему не было никакой нужды бриться дважды за день, но хотелось произвести впечатление на Черил.

На углу Дентон-стрит был припаркован черный «десото». У открытой задней двери выстроилась небольшая, быстро продвигавшаяся очередь. Саверио пристроился в хвост и, когда подошел к машине вплотную, то увидел, что на заднем сиденье громоздятся деревянные ящики с душистыми апельсинами.

– Почему? – спросил он у зеленщика.

– Пятнадцать штук за четверть доллара.

– Тогда дайте мне пятнадцать.

Саверио схватил бумажный пакет с апельсинами и взбежал по крыльцу храма Святого Семейства, перепрыгивая через две ступеньки. Он похлопал по карману своих выходных брюк, проверяя, на месте ли коробочка с золотой цепочкой. Сейчас он произведет впечатление на девушку, от которой без ума, и сделает ее счастливой – не было на свете лучшего предчувствия.

Войдя в церковь, он опустил пальцы в чашу со святой водой, перекрестился и преклонил колено. Гирлянды из мирта и других вечнозеленых растений украшали стены из серого мрамора с золотистыми прожилками. Центральный неф был освещен рядом высоких свечей с латунными крышечками, сдерживающими языки пламени. На накрытом белоснежным льняным покровом алтаре посверкивал в хрустальных чашах строй свечей поменьше. Под алтарем приткнулись ясли с раскрашенными вручную фигурками Святого Семейства. Их тоже

³ «Ночь тиха» – немецкий рождественский гимн, слова Й. Мора, музыка Ф. Грубера. Цитируется в переводе Е. Перегудовой.

обрамляли свечи. Свежесрубленные голубые ели полностью закрывали стену за табернаклем. Макушки благоухающих деревьев задевали потолок, а на ветвях висели набитые алыми ягодами и завязанные полоской кружева тюлевые мешочки. От этой красоты захватывало дух.

Саверио хотелось запечатлеть в памяти все до мельчайших подробностей. Не каждый же день он признавался девушке в любви – а первое такое признание бывает лишь однажды в жизни. Его сердце так распирало от чувств к ней, что, казалось, там не найдется места никому другому. Ему нужна была одна только Черил, теперь и навсегда.

Поднимаясь на хоры, он мысленно повторил слова, которые скажет Черил, перед тем как подарить ей цепочку. Саверио столько раз обдумывал и повторял эту речь, пока стоял у заводского конвейера и ехал в трамвае, что почти выучил ее наизусть.

Черил, мы вместе поем с тобой в хоре с того Рождества, когда нам было по одиннадцать лет, и, сказать по правде, в тот день я и полюбил тебя навсегда. Ты была одета в красный вельветовый сарафан и белую блузку. Ты сказала, что туфли тебе жмут, потому что сначала их носила не то год, не то два твоя старшая сестра, а у нее размер ноги меньше, но ничего страшного, младшим всегда достается ношеное. Так вот, я считаю, что ты заслуживаешь большего, чем обноски, ты заслуживаешь, чтобы все лучшее, новое, чудесное и прекрасное доставалось только тебе, тебе одной. Поэтому я хочу подарить тебе эту золотую цепочку, ведь при помощи золота выражают самые глубокие чувства, а для меня ты – сокровище драгоценнее любого золота. Но золото – это лучшее, на что способен наш мир, и мне хотелось преподнести это лучшее тебе. С Рождеством!

Саверио мечтал получить право провожать Черил домой после репетиций церковного хора и после школы. Он хотел стать тем единственным парнем, кто держит ее за руку и целуется с ней, и чтобы она поджидала его у автобусной остановки на Юклид-стрит, как все прочие девушки, которые встречались с парнями из его школы.

Если бы только Саверио мог спеть Черил о своих чувствах! Увы, это было невозможно. Никто еще не написал песни, в точности выражавшей все то, что он чувствовал, а если и написал, Саверио предпочитал высказать все своими словами, чтобы не оставалось сомнений в его намерениях. Когда он поднялся на хоры, оказалось, что большинство певчих уже заняли свои места. Он оглядел скамейки. Черил еще не пришла. Саверио начал раздавать апельсины своим товарищам по хору.

– С Рождеством, Констанция!

– Я его приберегу до рождественского утра. – Она подбросила апельсин в руке, как снежок.

– *Buon Natale*, Раффаэле.

– *Buon Natale*, Саверио. Говорят, цитрусовые полезны для голосовых связок.

– С Рождеством, Беатриса!

– Спасибо! – Она положила апельсин в сумочку.

– С Рождеством, Мэри. Кстати, сегодня мы славим твою тезку!

– С Рождеством! – Она спрятала апельсин в карман пальто.

И так далее – по апельсину для Кевина, Кимберли, Агнес, Сары, Филиппа, Эллен, Эйлин и Розы, и еще один – органистке, пока в пакете не осталось всего два апельсина.

Саверио занял свое место на передней скамье и взял в руки ноты. Он глядел на них, не видя, так как знал наизусть свою партитуру, глядел, пока ноты не заплесали на бумаге, будто букашки. До сих пор ему казалось, что он вовсе не волнуется, но сейчас, на хорах, со спрятанной в кармане цепочкой, он понял, что боится.

Страх.

В его сердце не оставалось места для страха, и все же страх просочился туда, потеснив любовь. А вскоре в мысли прокралась и родственница страха – боязнь оказаться недостойным. Саверио стал сомневаться, стоит ли вообще признаваться Черил в своих чувствах.

Если подумать, то что мог он предложить девушке? Немного – так ему казалось. Он ведь был во всех отношениях обычным, средним, скорее замкнутым – не настолько, чтобы прослыть чудаком, но достаточно, чтобы оставаться сравнительно робким, – может быть, потому, что в детстве его чересчур опекала мать. Единственный ребенок – о них вроде бы часто такое говорят. Но если бы девушка любила его так, как он любит ее, если бы Черил разделила его чувства, то уж он бы знал, как сделать ее счастливой. Он будет трудиться изо всех сил, чтобы дать ей все, чего она пожелает. Он обеспечит жене красиво обставленный дом со всеми удобствами. Там будут и пылесос «Электролюкс», и ворсистые восточные ковры с бахромой, чтобы пылесосу было что чистить, а на полке в гостиной выстроится полное издание «Британской энциклопедии» в красных сафьяновых переплетах. В спальне будет стоять кровать с прозрачным невесомым пологом и покрывалом с пышными оборками в тон.

И ванная комната у них будет настоящая, с ванной на четырех ножках, а над раковиной – зеркало с подсветкой. Ездить они станут, само собой, на двухместном «форде V8», хотя, если бы можно было выбирать автомобиль мечты, Саверио предпочел бы «паккард» из Саут-Бенда, что в штате Индиана. Но все это мелочи; покуда она рядом с ним, он поедет куда угодно на любой машине, неважно, как далеко, только чтобы однажды доказать свою любовь невесте, девушке, которой предстоит стать Черил Армандонада.

Черил.

Это имя наводило на мысли о сладких летних ягодах и мягкой шелковистой ткани. О, он скупит для нее всю одежду из витрины модного магазина Нормы Борн. У нее будет по паре перчаток в тон к каждой сумочке, а все сумочки будут под цвет шляпок. Чулки, естественно, шелковые, и каждую неделю она станет ходить на укладку в парикмахерский салон. Девушка Саверио получит все то, что не досталось его матери, потому что он-то не будет пренебрегать желаниями жены. Он обеспечит ей все, чего она захочет. Похоже, девушки любят разговаривать, и если так, то он не забудет прислушиваться к ней, принимая близко к сердцу то, что она найдет нужным сказать.

Саверио знал в точности, каким мужчиной он хотел стать и каким мужем будет тот мужчина. По этой самой золотой цепочке он вскарабкается, как по канату, до самого сердца Черил, чтобы добиться ее. Цепочка – лишь первый подарок из длинной череды, а со временем он наполнит для нее драгоценностями целую шкатулку – там будет больше колец, ожерелий и браслетов, чем во всей коллекции корабейника.

Наконец Черил Домброски бесшумно появилась на верхней ступеньке лестницы. Все заметили прибытие девушки, ощутив дивный аромат ее духов. Она коротко помахала хору рукой в знак приветствия, сияя настолько широкой улыбкой, что было удивительно, как такое напряжение лицевых мышц не причиняло ей боли. Саверио облегченно вздохнул: она была в отличном настроении, а значит, время для разговора с ней – собственно, с любой девушкой – самое подходящее.

В этот вечер Черил надела прямое светло-голубое платье с узким пояском и короткий жакетик зеленого бархата. Платье было отделано темно-зеленой бейкой, а пуговицы напоминали зеленые драгоценные камни. Светло-голубые перчатки повторяли цвет подбитой кремовым атласом шляпки с узкими полями; подвязанные на затылке золотисто-рыжие волосы волнами струились по спине. Глаза у нее были такие синие, что, казалось, у церкви сорвало крышу и Саверио глядел прямо в ночное небо.

– Ты сегодня такая красавица, – сказал ей Саверио, когда она опустилась на скамейку рядом с ним. От нее одуряюще пахло розами, лилиями и спелыми лимонами. Констанция, певшая альтом, наклонилась вперед так, что ее голова оказалась между ними.

– Саверио нас всех угостил апельсинами, – сообщила она Черил.

От Констанции пахло мятными леденцами от кашля.

– У меня и для тебя есть, – поспешно сказал Саверио, пошарив в бумажном пакете. – Вот. – Он протянул Черил апельсин.

– Ты ужасно милый, – сказала она ему почти на ухо, наклонившись так близко, что он почувствовал ее дыхание на своей коже. От близости ее губ у него ощутимо заколотилось сердце. Он почувствовал, как его бросает в жар.

– С тобой все в порядке? – спросила она. – В городе ходит какая-то зараза, моя сестра Кэрол со вторника кашляет не переставая.

– Очень жаль. Нет, со мной все отлично.

– А у меня новости, – сказала она, листая ноты.

– Правда?

– Пойдем, я хочу, чтобы ты узнал первым.

Черил поднялась, взяла его за руку и подвела к балюстраде, ограждавшей хоры. Церковь была полна народу, еще немного – и останутся только стоячие места.

– Видишь его? – показала куда-то Черил.

Саверио разглядел со спины какого-то молодого человека в сером пальто-дипломате. Почувствовав его взгляд, этот широкоплечий блондин обернулся, заметил Черил и подмигнул ей. Она так же коротко помахала ему, как минуту назад приветствовала хор, когда поднялась по лестнице.

– Вот он. Рикки Трановски.

– И что? – Саверио ничего не понимал.

Черил стянула перчатку и продемонстрировала Саверио свою левую руку.

– С сегодняшнего вечера мы с ним помолвлены.

– Помолвлены? – Внезапно у Саверио пересохло во рту.

На пальце Черил сияло золотое колечко с бриллиантом величиной с булавочную головку. Этот осколок – да что там, крошка – держался на четырех штырьках. Зачем там штыри, подумал Саверио, смех один. Черил поправила кольцо правой рукой.

– Не понимаю, – тихо произнес Саверио.

– Когда я родилась, Трановские и Домброские все шутили, мол, у нас Рикки, у вас Черил, вот и парочка подобралась. А мы ведь с ними встречаемся каждое лето в Траверс-Сити, да и на День благодарения собираемся в Дирборне. И вот так вышло, что в этом году что-то щелкнуло.

– Щелкнуло? – Смысл ее слов продолжал ускользать от Саверио.

– Ну да. Ну, знаешь, как это бывает. – Черил улыбнулась так, что каждый белоснежный зуб в ее прелестном ротике засиял в блеске свечей, и беззвучно прищелкнула пальцами: – Щелк.

И тут до Саверио наконец дошло.

– Понимаю, – выдавил он. Не в силах смотреть на нее, он уставился перед собой, остановив взгляд на пустой колыбели в яслях под алтарем.

– Сгораю от нетерпения уехать отсюда подальше. Рикки получил работу на заводе «Паккард» в Саут-Бенде, – продолжала Черил.

– На заводе «Паккард»? – У Саверио упало сердце.

– Да, представляешь! Это ведь твоя любимая машина! Я, кстати, не знала, но Рикки говорит, что если работаешь на конвейере у мистера Паккарда, то можешь попасть в особый список, чтобы купить себе «паккард» со скидкой. «Паккард» мне необходим как воздух!

– Все хотят «паккард».

– Знаю! Мечта, а не машина! – Черил крепко сжала руку Саверио.

– Поздравляю. – Саверио почувствовал, как у него заныло сердце.

– С тобой все в порядке, Саверио? По-моему, ты действительно заболел.

– Возможно.

– Мне ужасно жаль. Может, послать моего брата за «Бриоски»?⁴

– Нет-нет, сейчас мне станет лучше. Просто надо сесть.

Саверио вернулся на свое место на скамье. Черил села рядом с ним.

– Нам с тобой вовсе необязательно выступать дуэтом. Я могу спеть и с Констанцией. Да ты совсем позеленел! Может, приляжешь в ризнице, пока тебе не станет лучше? Святому отцу случается там прикорнуть между службами.

– Черил, мне нужно кое-что тебе сказать.

– Хорошо, говори.

Он посмотрел на нее. Черил вся светилась в розово-золотистом свете, отражавшемся от органа ровно так же, как в его мечтах, но теперь он знал, что она уже никогда не будет принадлежать ему. Он был уверен, что ни один мужчина на свете не полюбит ее так, как любит он, но не знал, как это выразить, а те слова, которые столько раз мысленно повторял, теперь не годились. Произнести их сейчас, когда она уже носит кольцо другого, представлялось преступлением, вроде ограбления банка. Не мог же Саверио предъявить свои права на девушку, которая больше не была свободна. Но следовало все же сказать хоть что-нибудь, пока она еще готова слушать, и он выпалил:

– Я считаю, что ты заслуживаешь кольца получше этого.

Черил выпрямилась на скамье, немного подумала и ответила:

– Какие ужасные слова. Нельзя такое говорить девушке.

– А я бы нашел достойный тебя бриллиант, даже если бы мне пришлось самому лезть в шахту и копать до кровавых мозолей. И он был бы совсем не таким.

– Мне все равно, какое кольцо, – вызывающе сказала она, крутя подарок жениха на пальце.

– А не должно быть все равно.

– Зачем ты все это говоришь? Почему стараешься испортить мне вечер?

– Ничего я не хочу тебе портить.

– Но ты так и делаешь! И сделал.

– Прости. Я это сказал не для того, чтобы тебя обидеть, а просто чтобы ты задумалась о том, чего на самом деле достойна. Ведь как только ты выйдешь замуж, Черил, так оно и останется. Навсегда и навеки. Для тебя и для того болвана, которого ты выберешь.

– Я выбрала Рикки. И вовсе он не болван! – Ее синие глаза забегали. – Он хороший парень.

– Пусть так, – кивнул Саверио.

– Непохоже на то.

Черил начала обмахиваться нотами к гимну «О святая ночь».

– Как может судить женщина? Только по знакам да признакам, – сказал Саверио. – И вот тебе знак – этого кольца недостаточно для такой чудесной девушки, как ты. Сегодня, быть может, тебе и кажется, что ты им довольна, ведь ты в восторге, тебе сделали предложение, но настанет день, когда этого брильянтика окажется недостаточно, и тогда ты вспомнишь, что я сказал тебе сегодня, и подумаешь: эх, надо было мне слушать Саверио.

– Ты меня совсем не знаешь, – прошептала Черил. – Плевать я хотела на какие-то там вещи.

– Посмотрим. И я-то тебя знаю. Я знаю тебя всю твою жизнь, а ты знаешь меня.

– Я имела в виду – не знаешь в *этом* смысле, – пояснила Черил, глядя прямо перед собой.

⁴ «Бриоски» – патентованное средство от изжоги и диспепсии на основе пищевой соды.

– Я хотел узнать тебя получше. – Саверио почувствовал прилив смелости – быть может, именно потому, что Черил не могла заставить себя встретиться с ним взглядом. Поэтому он сказал: – Я хотел быть тебе больше чем другом. Я надеялся...

После долгой паузы Черил спросила:

– Так почему же ты столько ждал, чтобы признаться в своих чувствах?

– Я, наверное, заторможенный какой-то – идиот, в общем. Мог бы догадаться, что самую прелестную розу в саду срывают первой.

– Ну, значит, не судьба. – Черил чинно сложила руки на коленях, совсем как сестра Доминика, только что раздавшая табели за четверть.

– Значит, ты обо мне никогда не думала в этом отношении?

Черил Домброски только что исповедовалась и получила отпущение грехов. Она была доброй католичкой, нынче был сочельник Рождества, и она не собиралась лгать.

– Думала иногда, – призналась она.

– Но не так, как о Ронни.

– Рикки.

– Ну Рикки. Не так, как о нем?

– Саверио, я не намерена обсуждать с тобой подобные вопросы. Я теперь невеста.

Черил объявила о своем статусе невесты ровно так же, как сообщила бы в анкете, что голосует за демократов, работает волонтером в Армии спасения или что кровь у нее первой группы. Она была тверда и непоколебима. Саверио ей не верил, но и переубедить ее ему не удалось, сколько ни пытался. Одну вещь он точно знал о польских девушках: они крепче той стали, что выплавляют на «Ривер Руж» для производства автомобилей.

И еще он знал, что не имеет смысла торчать за конвейером и крутить болты на автомобилях до конца жизни, если за воротами завода его не станет поджидать такая девушка, как Черил. Что толку? Должна же быть в его жизни цель поважнее. Чтобы вставать до рассвета, ему требовался стимул, и лично для него единственным стимулом, имевшим значение, была любовь. День полочки не будоражил его, как других рабочих. Деньги в кармане не наполняли сердце радостью.

Да и какая у него, собственно, цель? Для чего еще он трудился, если не для того, чтобы сделать счастливой девушку? Уж он-то для девушки *своей* мечты выбрал бы такое кольцо, чтоб сверкало, как звезды в созвездии Ориона. Если бы *он* сделал предложение Черил, на ее пальчике красовалось бы то самое бриллиантовое сердечко.

Грудь так сдавило, что, казалось, не вдохнуть, но все же, когда настал момент, Саверио встал и спел в литургии вместе с хором, как всегда делал по воскресеньям, церковным праздникам и на похоронах с тех пор, как помнил себя. Пение ему почти помогло – изливать чувства было легче, чем сдерживать их внутри.

А когда пришло время петь «Ночь тиха» дуэтом с Черил во время приношения Святых Даров, трели ее сопрано обвилились вокруг его глубокого тенора, как ростки виноградной лозы. Он не мог смотреть на нее, пока их голоса гармонично сливались; ее глаза были устремлены на алтарь.

Казалось бы, если уж молодой человек признался в чувствах предмету своей привязанности, это должно, по крайней мере, освободить его от непомерного веса тайны. Но когда чувства оказываются неразделенными, то, что могло стать миром чудес, превращается в весьма неуютное место. В ту ночь Саверио поклялся себе, что больше никогда в жизни не признается девушке в любви. Слишком уж это опасно. Подобное решение предполагало также наивысшую жертву: он больше никогда не станет подолгу глядеть на Черил, как прежде. Больше нельзя будет изучать ее во всех подробностях, от изгиба груди до изящной линии узкого запястья, вниз, к плавным округлостям бедер, до самых щиколоток, и снова вверх, до ровной линии прямого носа. О да, Черил была истинным шедевром.

Сегодняшний вечер положил конец их задушевным разговорам и неспешным прогулкам по дороге домой. Конец запальчивым спорам об их общей страсти, свинге, – о том, кто лучший джазист, Дик Хэймс или Бинг Кросби, Дюк Эллингтон, Кэб Кэллоуэй или братья Дорси. Конец репетициям на стылых хорах вечером по средам и жалобам на священника, который отказывался включить для них отопление. Конец всем предвкушениям и надеждам.

Саверио подошел к балюстраде хоров и спел соло «О святая ночь». В этом гимне он излил всю свою боль, понимая, что в рождественский сочельник больше нигде не найдется для нее места. Музыка всегда была для него убежищем. Он находил утешение в пении; так он выпускал пар и выражал свои чувства. Когда он добрался до нот в связующей теме, его голос зазвучал полнее, сильнее и увереннее, чем когда-либо слышали прихожане. Он удержал ноту *a cappella*, а органистка застыла, занеся пальцы над клавишами, ожидая, когда он вдохнет. И наконец он допел окончание гимна под негромкий аккомпанемент органа. Слово «Рождества» повисло над прихожанами, как кружевной полог, пока Саверио удерживал последнюю ноту.

Когда он замолк, органистка бесшумно сняла ступни с педалей и пальцы – с клавиатуры. Прихожане погрузились в тишину, но тут же пришли в странное возбуждение.

Когда Саверио вернулся на свою скамью, к нему наклонилась Констанция.

– Им хочется аплодировать! – прошептала она. – И это в церкви!

От ее горячего дыхания у него зачесалась шея, но он все же кивнул в знак благодарности.

Товарищи по хору стали хлопать Саверио по спине, поздравляя с триумфом, но он почти не ощущал их прикосновений. Его мысли витали далеко. Он так ловко вывел ту высокую ноту, будто поймал ее в воздухе, как бабочку, и бережно держал за хрупкие трепещущие крылышки, пока она билась у него в руке. Он пел в надежде завладеть вниманием Черил и завоевать ее своим мастерством. Но она, похоже, его вовсе не слушала. Черил сосредоточилась на другом – на прихожанах в церкви, а точнее, на своем женихе в пальто-дипломате.

Литургия закончилась. В бумажном пакете лежал последний апельсин. Оставшись один на хорах, Саверио чистил апельсин, бросал кожуру в пакет и наблюдал, как Черил и Рикки (тот самый, который скоро будет водить собственный «паккард») зажигали свечи и преклоняли колени у алтаря Непорочного Зачатия в алькове рядом с главным алтарем, а потом повернулись и пошли под руку по центральному нефу, покидая церковь, а заодно – и его жизнь.

Положив ноги на табурет органистки, Саверио откинулся на скамье и одну за другой проглотил все сладкие дольки апельсина. Последние прихожане гуськом уходили в морозную ночь. Он собирался прятаться здесь, пока церковь не опустеет совсем.

– Эй, это ты – Саверио? – Усатый мужчина лет тридцати в темно-синем шерстяном пальто элегантного покроя стоял на верхней ступеньке у входа на хоры. – Да ты ешь, ешь. Апельсин-то, наверное, вкусный, братишка?

Саверио поспешно сглотнул.

– Братишка?

– Просто такое выражение. Это ты – тот мальчишка, который пел? – Мужчина надел шляпу на кулак и стал ее вращать.

– Да.

– То соло в конце. Это ты так вытянул си?

– Да, я. – Саверио покраснел.

– Умеешь ты петь, дружище. Я Сэмми Прецца. Играю на саксофоне в оркестре Рода Роккаразо. Знакомое имя?

Саверио выпрямился на скамье.

– Я его слышал по радио.

– Неплохо, правда?

– Мне вполне нравится.

– Ну так вот, у нас тут вокалист отпал, и Род ищет новый голос. Я думаю, ты ему придешься по сердцу. Есть у него один квартетик, поет прилично, но все-таки вся соль в солисте. Лицо оркестра. Ну, место солиста я тебе не гарантирую, но в том же квартете состав меняется постоянно. Вот, возьми, – Сэмми протянул Саверио свою визитную карточку. – В новогоднюю ночь мы выступаем в Ист-Лэнсинге. Покажешь эту визитку – тебя впустят. А уж я проведу тебя к Роду.

– А дальше что?

– Споешь для Рода, там и посмотрим.

– Спасибо.

Саверио изучил визитку – тисненый золотом скрипичный ключ, черные буквы. Смотрелось шикарно.

– А лет тебе сколько? – спросил Сэмми.

– А на сколько я выгляжу? – парировал Саверио.

– Хороший ответ. – Сэмми обернулся, перед тем как спуститься по лестнице. – Без шуток, парень, горло у тебя что надо.

По пути с литургии домой Розария Армандонада взяла сына под руку.

– Ты так красиво пел! – восхитилась она. – Люди плакали. Да и я тоже.

– Ма, но мне вовсе не хочется, чтоб люди плакали, когда я пою.

– Нет, это хорошо. Значит, они что-то почувствовали. – Она стиснула его руку.

– Я хочу делать людей счастливыми, – возразил Саверио.

– Так и получается. Хотя у них и льются слезы.

– Разве можно быть счастливым, когда плачешь?

– Они плачут, потому что на них нахлынули воспоминания о том, чего – или кого – им не хватает. Это куда лучше, чем та дурацкая музыка, которую крутят по радио.

– Не лучше, просто другое.

На углу Боутрайт-стрит до них донесся запах жареных каштанов. Они переглянулись. Саверио усмехнулся:

– Па!

Леоне стоял во дворе их дома и поджаривал каштаны на тяжелой чугунной сковороде, поставленной прямо на небольшой костер, для которого он вырыл ямку в стылой земле.

– Леоне, жаль, что ты не слышал, как твой сын пел сегодня в церкви, – сказала Розария.

– Да слышал я его пение.

– Но в эту ночь он пел как ангел, с необычайной силой и чистотой.

– Похоже, я заставил некоторых плакать, – добавил Саверио.

– Если я запою, все вокруг тоже разрыдаются, – пошутил Леоне, вручая жене полную горячих каштанов медную миску. Из потрескавшейся обугленной кожуры в морозный воздух вырывался душистый пар.

– Пойду приготовлю сироп и залью каштаны, – сказала Розария, уходя в дом.

Саверио стал помогать отцу гасить костер. Пока Леоне забрасывал пламя золой с лопаты, Саверио опустился на колени и скатал большой снежный ком. Он передал его отцу, тот положил снег прямо поверх золы, огонь зашипел, и вскоре от него остались лишь завитки серого дыма.

– Па, после мессы ко мне подошел один человек, – начал Саверио.

– Зачем?

– Хочет, чтобы я сходил к ним в ансамбль на прослушивание.

– И чем ты там будешь заниматься?

– Петь. И, может, еще немного аккомпанировать на мандолине.

Мандолину он упомянул в надежде тронуть сердце отца. Тому довелось на ней играть еще мальчишкой, в Италии, и сына он тоже научил. Но Леоне это не впечатлило.

– Ты рабочий на заводе «Руж», – строго напомнил он.

– Знаю. Но я мог бы выступать по вечерам. Может, подзаработаю немного.

– Нельзя делать и то и другое.

– Почему?

– Нельзя. Такая жизнь не для тебя.

– Но ведь эти музыканты отлично зарабатывают. Развлекают людей, и деньги текут рекой. Если я добьюсь успеха, то наверняка буду получать вдвое больше, чем моя теперешняя зарплата.

– Это просто какая-то афера, – заявил отец. – Не попадайся на их удочку.

Саверио последовал в дом за отцом.

– Все честно, они собираются платить мне за выступления, – настаивал он.

– Это они сначала говорят, что заплатят, а как поедешь на гастроли, не будет тебе никаких денег. Слыхал я истории о шоу-бизнесе. Это занятие для цыган. Ты трудишься, а босс загребают все твои денежки. Ты голодаешь, а он жиреет, с певичками развлекается, а тебе – ничего.

– Все вовсе не так.

– Да что ты в этом понимаешь?

– Я знаю, как оно на самом деле, потому что на мессе был человек из оркестра Рода Роккаразо. Он меня потом разыскал, чтобы поговорить. Сам ко мне обратился. Сказал, что у меня есть талант и что я мог бы добиться успеха в музыкальном деле.

Саверио прошел за отцом на кухню, где Розария мешала на плите сироп. Выключив конфорку, она залила очищенные ядрышки каштанов горячей сладкой жидкостью.

– Его дело – не твое дело. Мы этого человека не знаем. Кто он вообще такой? Чего ему на самом деле от тебя нужно? – повысил голос Леоне.

– Леоне, просто выслушай мальчика, – попросила мать.

– Заткнись, Розария!

Она повернулась обратно к плите и стала мешать томившийся в большой кастрюле соус маринара⁵.

– Не разговаривай с ней так, – негромко произнес Саверио.

Леоне ударил кулаком по столу. Сын понял, что его реплика привела отца в бешенство, и немедленно о ней пожалел.

– Не лезь не в свое дело! – снова ударил кулаком по столу Леоне. – Это мой дом!

– Все здесь твое, папа. Но не надо говорить маме «заткнись». Этот спор только между тобой и мной.

– Все в порядке, – попыталась успокоить сына Розария.

– Сегодня ведь сочельник, – устало добавил юноша, хотя знал, что отец всегда готов поскандальить, какой бы на дворе ни был день.

– Ты потеряешь работу в «Руже», вот чем это закончится. А ведь обратно тебя не возьмут! – Леоне снова повысил голос. – Люди едут отовсюду, из Миссури, Кентукки, Чикаго, да еще и с сыновьями, а у некоторых много-много сыновей, и все хотят работать в «Руже». Они согласны на любой труд. Пусть и цианидная плавильня, им все равно. Любой труд. А у тебя хорошая работа на конвейере, и ты от нее отказываешься. Только глупый мальчишка бросает хорошую работу на конвейере.

– Я хочу заниматься другим. Может, попробовать что-то иное, я еще не решил.

– Жизнь – это не то, что тебе хочется делать. Это то, что надо делать.

– Но почему нельзя и то и другое?

⁵ *Маринара* – итальянский соус, приготовленный из томатов, лука, чеснока и пряных трав.

– Можно, – сказала Розария.

– Я же велел тебе не вмешиваться! – предостерег жену Леоне, прежде чем обернуться к сыну. – Ты хоть представляешь себе, что мне пришлось сделать, чтобы устроить тебя на завод? У них там целые списки желающих. Я им пообещал, что ты будешь хорошо работать, еще лучше, чем я.

– Но я – не ты.

– Тебе все легко достается. Ты просто маменькин сынок.

– Хорошо, Па, – сдался Саверио. Было ясно, что отец в ярости, а когда дело доходило до этого, доставалось и сыну, и – особенно – матери.

– У Саверио есть талант! Мне бы хотелось, чтобы он его развивал, – тихо проронила Розария.

– А ты-то с каких пор разбираешься в талантах?

– Я разбираюсь в моем сыне.

– Ни в чем ты не разбираешься! – прогрохотал Леоне.

Он резко поднялся, отшвырнув стул. Ударившись о стену, стул развалился.

Розария и Саверио бросились к обломкам и подобрали перекладины и спинку; для Леоне было в порядке вещей сломать что-нибудь. Розария вышла из кухни, неся в охапке детали стула, точно хворост, а Саверио остался у раковины. Леоне налил себе вина. Подобные сцены были привычными в их семье по праздникам, а частенько и по воскресеньям. Леоне использовал малейший предлог, чтобы раскричаться, накрутить себя, мать спешила исчезнуть, и в доме воцарялась тишина – но не мир.

Запах кипящего на плите соуса сделался почти резким: чеснок, помидоры и базилик полностью приготовились. Саверио выключил огонь, взял пару кухонных полотенец, снял кастрюлю с конфорки и переставил ее на край плиты. Отец закурил. Саверио медленно помещивал соус, размышляя, как бы лучше подобраться к отцу.

– Ма сегодня сделала укладку в парикмахерской, – сказал он наконец.

– И что?

– А ты и внимания не обратил.

– И что с того?

– Когда женщина делает укладку, это не для нее, а для тебя. Она хорошо выглядит. Ты бы сказал ей. Ей будет приятно.

Леоне подымил сигаретой.

– Никогда не указывай отцу, что делать, – буркнул он.

– Я просто предложил.

– Не предлагай.

– Ладно.

– Следи за тем, как со мной разговариваешь.

– Ладно, буду следить. Если ты станешь приветливее разговаривать с Ма.

Леоне пренебрежительно помахал сигаретой в сторону сына.

– Я с собственным сыном в сделки не вступаю.

– Я ведь не собираюсь жить с вами всегда, чтобы ей было с кем перекинуться парой слов. Однажды вы с Ма останетесь одни, и вам придется общаться друг с другом. Говори с ней приветливо. Как я. Как миссис Фарино на рынке. Как миссис Руджьеро в лавке мясника. Как отец Импречато в церкви.

– Священник-то всегда приветливый, потому что он хочет наших *soldi*⁶. – Леоне потер пальцы один о другой, намекая на сбор пожертвований в церкви.

– Не все на свете хотят твоих денег, – возразил сын.

⁶ Деньги (*ит*).

– Это ты так думаешь. Твоих денег они тоже хотят, кстати.

– Однажды я отсюда уеду.

Леоне рассмеялся.

– И куда же ты отправишься? – иронически спросил он.

– Не знаю.

– А чем займешься?

– Я пока не решил, – солгал Саверио. Он знал в точности, чем хочет заниматься, но разумнее держать эти планы при себе.

– Пустишь свою жизнь на ветер.

– Понимаешь, Па, жизнь – такое дело, нам она достается только один раз. Можно гнуть спину на заводе «Руж», откладывать каждый цент, купить любимой девушке золотую цепочку, а в тот вечер, когда ты намерен ее подарить, узнать, что девушка собирается замуж за другого. И выходит, что все эти долгие часы на конвейере, когда ты думал, что трудишься ради воплощения своей мечты, чтобы устроить счастливую жизнь с хорошенькой девушкой, от которой ты без ума, ты ничего подобного не делал, а рвал жилы просто ради счастья крутить гаечный ключ для Генри Форда.

– Тебе платят хорошие деньги.

– Деньги имеют значение, только если с их помощью можно сделать кого-то счастливым. Так сказал коробейник, и я думаю, что он прав.

– Цыган? Ты поверил цыгану?

– Мне он показался довольно умным.

– Подумай головой. Тебе же надо что-то есть. Еду надо на что-то покупать. За все, что не выросло в огороде, приходится платить.

– Это просто основные потребности. Их я тоже подсчитал. Чтобы обеспечить себе еду, достаточно работать на конвейере пару часов в день, неделя за неделей, всю жизнь. А что делать с оставшимися восемью часами? Куда уходит эта зарплата? На что тратится?

– Государство забирает.

– Часть. А остальное?

– Откладываешь. Под матрац. Только не в банк. Потому что никогда не знаешь, что может случиться.

– Это мне неинтересно. Я хотел увидеть свою зарплату отлитой в золоте вокруг прекрасной шеи Черил Домброски.

– Она тебя отвергла?

– Да, отвергла. – Саверио было нелегко признать это вслух.

– Тогда ну ее к черту.

– Справедливо. Если бы она меня любила, я бы отдал ей все, что у меня есть.

– Ты от нее глаз оторвать не можешь, – улыбнулся отец.

– Вот будь у меня девушка, уж я бы хорошо с ней обращался. Потому я тебя и ругаю, Па. У тебя же есть девушка. Надо хорошо с ней обращаться.

– Ты ничего не знаешь.

– Кое-что я все-таки знаю. Например, что грех любить девушку и не показывать ей этого.

– Ай, оставь, – отмахнулся Леоне.

– Ты даже не понимаешь, как тебе повезло. Однажды поймешь, но будет слишком поздно, – выпалил сын напоследок и оставил отца одного на кухне.

По пути к себе на второй этаж он увидел, что мать сидит в гостиной у радио. Розарии было сорок лет, и седина только начинала пробиваться в ее черных волосах. Она сохранила стройную фигуру, а черты лица выдавали коренную венецианку – точеный нос, прекрасные карие глаза.

Розария украсила их скромный дом как смогла: покрасила стены в веселый желтый цвет, то и дело до блеска натирала воском серый линолеум, сшила муслиновые занавески – вроде простые, но по-своему изящные, с оборочками по низу. Украшения для рождественской елки она тоже изготовила своими руками, и теперь эти невесомые, будто сотканые из паутинок кружевные звездочки эффектно свисали с колючих ветвей. Саверио не раз замечал, что мать изо всех сил старается привнести хоть немного красоты в их жизнь.

– С тобой все хорошо, Ма? – заботливо спросил он.

– Да, да. – Она отмахнулась от сына тем же жестом, который только что сделал ее муж.

– Мне очень жаль, что так вышло.

– Стул починить не получится, – вздохнула она. – По-моему, с этим не справится и десяток столяров. Дерево уже никуда не годится. Пойдет на розжиг.

– Я куплю тебе новый стул.

– Лучше отложи деньги.

– Я так и сделал, Ма. Они наверху, под матрасом. Когда я наконец-то потратил деньги на что-то красивое, ничего хорошего из этого не вышло.

– Очень жаль, – сказала мать.

– Может, в следующий раз получится, – улыбнулся Саверио.

– Мне нравится наша елка, – заметила Розария, разглядывая елку от пола до макушки. – Будет грустно ее разбирать после Богоявления.

– Ты здорово ее украсила.

– Спасибо, Сав.

– Ты купила мне шляпу? – Саверио поднял стоявшую под елкой большую круглую коробку в оберточной бумаге.

– Да ты подглядел!

– Не-а, просто догадался по коробке, она ведь круглая.

– Я ее плохо завернула, – сказала мать извиняющимся тоном.

– Все отлично, Ма.

– Надеюсь, она тебе понравится.

– Шляпа мне нужна.

– Я знаю. – Она понизила голос: – В кепке ты не произведешь впечатления на руководителей оркестра. А я хочу, чтобы ты пошел на то прослушивание.

– Мне бы тоже хотелось, Ма.

– Ты всю душу вкладываешь в пение.

– Я верю в то, о чем пою, – признался он.

– Вот потому это так трогает людей.

Саверио сел рядом с матерью.

– Например, слова «В яслях дремлет дитя», – сказал он.

Розария обняла сына.

– Их написал человек, который держал на руках младенца, – улыбнулась она.

Саверио попытался отстраниться, но мать не отпускала и только крепче сжала его в объятиях.

– Ты навсегда останешься моим малышом.

– Ма! – смутился он.

– Я вырастила хорошего сына. Настоящего артиста. Я хочу, чтобы ты им стал. Помнишь, ты раньше писал стихи. Ты ведь мог бы сочинять песни – такие, как эта.

– Наверное, можно попробовать, – согласился он.

– Надо пробовать. Надо использовать свой талант. Грех этого не делать.

– Мне нравится петь в церкви.

– Ты ведь знаешь, когда в семье Пепаретти режут свинью, миссис Пепаретти всегда приносит мне кусок лопатки. А я люблю потушить ее в горшке, под соусом. В один год она принесла мясо, а оно не влезло в мой горшок. Кость оказалась слишком велика для моего несчастного горшка. Не было никакой возможности приготовить это мясо. Так что мне пришлось вернуть ей лопатку, иначе свинина так бы и пропала. Мне кажется, у тебя похожий случай: ты перерос свой горшок. Тебе тесно в хоре церкви Святого Семейства, а летний фестиваль в Дирборне всего лишь для любителей. Пора найти нечто побольше и получше, – заключила Розария.

– А как я узнаю, что мне это по зубам?

– Это проще всего. Если ты будешь нравиться людям, они тебе это покажут. А не понравись, всегда сможешь вернуться на конвейер.

– Ты говорила об этом с Па?

– Нет. Он бы только обиделся. Твой отец не видит картин и не слышит музыки. Он человек ответственный.

– Вот как ты это называешь?

– Он твой отец, – напомнила ему Розария, хотя в этом не было нужды. Леоне был светиллом в их маленькой солнечной системе; помимо них, больше ни для кого там не оставалось места. – Папа у нас практичный.

– А практичные люди не мечтают, – кивнул Саверио.

– Мечтают, просто о другом. Его мечта – сохранять за собой рабочее место, работать неделя за неделей, год за годом. Время от времени получать прибавку к зарплате. И чтобы хватало на аренду дома и можно было купить пальто, когда оно нужно ему, тебе или мне. Его мечта – обеспечить наши жизненные потребности. Он вырос в такой нищете, что для него еда, одежда, крыша над головой, даже самые простые, уже роскошь.

– Как и дети.

– О чем это ты? – удивилась Розария.

– Ма, почему у вас только один ребенок? Почему у вас не родилось больше детей?

– Я молилась: «Боже, пошли мне, что Тебе будет угодно». Он послал мне тебя, и все.

– Я хочу, чтобы у меня когда-нибудь было восемь детей.

– Целых восемь? – просияла Розария.

– Я хочу, чтобы у меня был дом, полный гомона, смеха, музыки, игр и детей. Здесь я один, и у нас слишком тихо. Хочу большой обеденный стол, за которым будут собираться все, кого я люблю. Хочу быть отцом, ответственным человеком. Но я не превращусь в такого, как он. Я буду доволен своей судьбой. Если мне достанется хорошая жена, уж я-то точно не стану ходить с унылым лицом. Я сделаю так, чтобы меня постоянно окружали люди. Хочу столько детей, чтобы мне трудно было их всех пересчитать и запомнить. Хочу быть таким, как мистер Дереа, – когда он зовет своих ребят домой, то путается, потому что не может припомнить всех имен. Хочу быть таким же озадаченным и не помнить, кто есть кто. Хочу, чтобы Рождество проходило шумно и все пели песни.

– В моем детстве дома у нас все было именно так. Только мы праздновали еще и Богоявление, после Рождества. Семья Мараско любила отмечать Рождество с толком и без спешки. Мы пели все рождественские гимны, шли на полночную мессу, а потом каждый обязательно получал что-нибудь особенное – пирог со смоквами, конфетку. На подарки нам не очень-то хватало.

– Как, у вас не было подарков? – удивился Саверио.

– У нас не было ничего, кроме друг друга.

– И этого вам хватало?

Мать ненадолго задумалась.

– Тогда я считала, что да.

– Может быть, потому Па такой несчастный. Кто знает – родись у него больше детей, он бы чувствовал себя на равных с другими мужчинам в нашей церкви. Ты же понимаешь, о чем я. Все они окружены детьми.

– Мне было достаточно тебя одного. Если Господь пожелал послать мне тебя и только тебя, хватило и этого. Большого я и желать не могла. Саверио, попробуй понять папу. Ему ведь пришлось оставить свой дом.

– Это не оправдание.

– Но оно тебе поможет его понять. Только представь себе: английскому его научила я. Когда я с ним познакомилась, мне показалось, что он такой застенчивый и милый. Наверное, вначале он мне настолько понравился, потому что будто испытывал благоговение перед всем, что встречал, и я решила, что он, наверное, ценит мир и людей так, как здешние итальянцы уже не способны, они ко всему уже привыкли.

– Ма, но он не ценит тебя.

– Это уж моя забота.

Саверио поднялся на ноги.

– Я снял соус с плиты и выключил огонь, – сказал он.

– Ты мой славный мальчик.

Сын поцеловал мать в щеку, прежде чем подняться к себе в спальню.

Саверио повесил в шкаф свою воскресную одежду – единственную приличную пару шерстяных брюк и белую рубашку. Натянув фланелевые штаны от пижамы, он поежился от холода, застегнул до самого горла пижамную куртку и надел сверху свитер. Затем заполз в свою двухспальную кровать и свернулся там калачиком. Он уже начал засыпать, когда в дверь неожиданно постучали.

На пороге стоял отец, освещенный слабым светом коридорной лампочки.

– Па?

– Ты должен покинуть этот дом.

Отец говорил ровным, спокойным голосом. Значит, он не был в ярости, дело обстояло куда хуже – он принял решение. Да, он выпил, да, очень устал в конце рабочей недели, но в его приказе не было ничего туманного.

– Что? – выдавил наконец Саверио.

Юноша сел на кровати, но не сбросил одеяла, а закутался в него поплотней, как будто этот отрез шерсти мог защитить его от человека, который собирался изгнать из дома своего единственного ребенка.

– Уходи, – проговорил отец.

– В каком смысле?

– Ты недоволен своей работой. Я тебя больше кормить не намерен. Уходи и ищи собственную дорогу.

Саверио задрожал, несмотря на свитер, пижаму и одеяло, – задрожал так сильно, что зубы заклацали. Он знал своего отца. Отец слов на ветер не бросал.

– Но, Па... – Глаза Саверио наполнились слезами.

– Не хнычь! Мне было двенадцать, когда я покинул Италию. А я не хныкал. Ни тогда. Ни сейчас. У меня не было ничего. Я добрался сюда, не зная английского, всего с парой монет в кармане. У меня ничего не было. У тебя есть все, а ты не благодарен за это. Ни мне. Ни Богу. Ни матери. Ты узнаешь, что такое жизнь, когда поживешь. Сам увидишь.

– Ты хочешь, чтобы я ушел прямо сейчас? – спросил Саверио.

– Утром, – сказал отец. – И вернешься, когда на коленях вымолишь у меня прощение.

Он закрыл за собой дверь.

Саверио выбрался из кровати и застыл на полу, будто на островке безысходности. Не к кому было обратиться, никто не мог прийти ему на помощь. Он не знал, что ему делать – двигаться или стоять. Нужно было хорошенько подумать, но мысли, казалось, тоже застыли.

Он понимал, что наутро все будет только хуже. К утру мать успеет за него заступиться, и ему, возможно, дадут отсрочку, но вскоре все снова повторится. Он поссорится с отцом, и тот выгонит его из дома. Для Саверио не оставалось здесь места. Это больше не был его дом – да и был ли он его домом когда-нибудь?

Саверио подошел к платяному шкафу и стал изучать содержимое. Две пары рабочих брюк. Две рубашки. Пара хороших брюк (для церкви), одна хорошая рубашка (для церкви), один пиджак от костюма, доставшийся ему от отца, – серый, твидовый, лацканы узкие, такие уже давно вышли из моды. Он терпеть не мог этот пиджак, оставит его здесь. Обувь – пара рабочих ботинок на каучуковой подошве. Он сунул в них ноги. Пара черных ботинок (для церкви), он уложил каждый в отдельный полотняный мешочек. Воскресный галстук, шелковый, в черно-белую полоску. Черная шерстяная кепка-восьмиклинка. Ни шляпы, ни костюма, ни жилета, ни пиджака. Три пары белых хлопчатобумажных трусов, три белые хлопчатобумажные майки, три пары черных шерстяных носков. Он достал брезентовую сумку оливкового цвета, с которой когда-то ходил в школу Святого Семейства, и аккуратно сложил в нее одежду. Туда же отправились четки, фотография матери, книга «Три газовых рожка» Рональда Нокса, которой его премировали на Дирборнском фестивале, и папка с нотами из церковного хора.

Присев на край кровати, Саверио вывернул свой бумажник. Семнадцать долларов и пропуск на «Ривер Руж». Он вытянул из-под матраца конверт со сбережениями. На заводе ему платили двадцать пять долларов в неделю. На этот момент Саверио успел потратить сто восемьдесят семь долларов из своего жалованья. Деньги пошли на половину стоимости новой кровли над родительским домом, трамвай на работу и обратно, обувь, рабочую одежду (фартук и перчатки, которые он надевал у конвейера) и, конечно, Рождество.

Он спрятал коробочку с цепочкой для Черил в сумку, прежде чем одеться. Казалось, сто лет прошло с тех пор, как он мечтал увидеть ее с этой цепочкой на шее. Поистине, миг отчаяния убивает человека скорее, чем счастливый миг спасает от гибели.

Он аккуратно сложил свою единственную пижаму поверх остальной одежды и застегнул сумку. Потом сел и написал матери письмо.

24 декабря 1932

Милая мама,

С Рождеством, моя дорогая матушка. Па велел мне покинуть дом. Я тебе напишу, когда устроюсь. Не волнуйся обо мне. Как ты сама мне сказала – не волнуйся, лучше молись.

С любовью,

Саверио

Заправив постель, Саверио сунул письмо под подушку, встал посреди комнаты и оглядел ее, пытаясь запомнить до мелочей – вот кровать, покрывало, лампа, ночной столик, комод. Снова подумав о матери, он вынул деньги из сумки, отсчитал пятьдесят долларов и положил их в конверт с письмом, который вернул под подушку. После чего снял зачехленную мандолину с полки над платяным шкафом, подхватил сумку и открыл дверь. Удостоверившись, что в родительской спальне погашен свет, а дом погружен в тишину, он выбрался из комнаты, прокрался вниз по лестнице и прошел через гостиную, где стояла рождественская елка и еще лежали обломки стула. Мелькнула мысль взять из-под елки предназначенную ему коробку –

новая шляпа очень бы пригодилась, – но Саверио решил оставить шляпу там, рядом с подарками, которые сам купил родителям. Он брал с собой только необходимое.

Парень бесшумно снял с крючка пальто, натянул связанные матерью перчатки и надел свою выдавшую виды кепку.

Единственный сын Леоне и Розарии Мараско Армандонада, проживающих по адресу 132, Боутрайв-стрит, Детройт, штат Мичиган, открыл дверь и шагнул на крыльцо прямо в луч ясного белого лунного света.

В тот сочельник температура упала ниже нуля, но Саверио не ощущал холода. Внутри него горел огонь, тихий яростный огонь, вызванный гневом, который он слишком долго подавлял, подпитанный замешательством от того, что его не понимали, и подстегнутый болью от сознания, что он ни на что не годится. Надежды Саверио в сочетании с отторжением со стороны отца породили гремучую смесь, готовую взорваться и выбросить его из этой жизни – в новую.

Сердце юноши забилося при мысли об открывшихся возможностях, и он пошел на свет.

2

4 июля 1938 года

*Risoluto*⁷

Чичи Донателли погрузила ступни в прохладный влажный песок, закрыла глаза и вообразила, как ее ноги пускают корни далеко вниз, под илом, и эти корни ветвятся, подобно кудрявым гибким лианам, разрастаясь, пока не покроют все океанское дно. Вот какой эффект производила музыка Каунта Бейси⁸. Когда Чичи слушала его *Swingin' the Blues* на радиостанции WBGO, вещавшей из Ньюарка, цветистые оркестровки Бейси заполняли весь окружающий мир, пока не оставалось места ни для чего, кроме его музыки. Чичи не хотелось упустить ни одной ноты.

Перед ней под раскаленным белым солнцем бесконечным полотнищем расстился Атлантический океан, точно серебристая парча, что раскатывают рулон за рулоном. Она прихлопнула муху на голом, лоснящемся от пота плече и почувствовала, какое оно горячее. Чичи было двадцать лет. Ее гибкая невысокая фигурка заставляла мужчин оборачиваться ей вслед.

Когда тромбон дошел до глиссандо, высоко и чисто проигравшего возле ее уха, она вытянула руку, будто тоже пыталась дотянуться до великолепной, пульсирующей, высокой си. Потом к соло присоединился оркестр, девушка поправила красный шифоновый шарф, которым подвязала свои длинные, блестящие черные локоны, чтобы те не падали ей на лоб.

– Чичи! – позвала ее с пирса сестра, Барбара, но Чичи ее не услышала – на пляже было шумно, а радио играло в полную силу. День выдался прекрасный, просто великолепный, потому что принадлежал ей одной. Сегодня она ни перед кем не должна была отчитываться. Осознание этой свободы обволакивало ее, как теплый бриз с океана. Чичи наслаждалась законным отдыхом, солнце стояло высоко и выглядело совсем как циферблат секундомера, только без стрелок и цифр.

Пляж у Си-Айл-Сити был до предела заполнен семьями со всех Соединенных Штатов, подгадавшими неделю отпуска в преддверии Дня независимости. Люди мельтешили везде, от кромки воды до прибрежных утесов. Тут и там на столбах колыхались полосатые зонты – оранжевые с белым, синие с розовым, красные с желтым, – под которыми растянулись в небывалой тесноте отдыхающие. Оставшийся без тени песок пестрел пляжными полотенцами и загорающими телами. С пирса этот изогнутый дугой разноцветный пляж очень напоминал рассыпанную банку мармеладного драже.

Променад поодаль тоже был полон народу, как и колесо обозрения, медленно поворачивающееся на солнцепеке. У «Муравейников Фьори»⁹, «Сахарной ваты Кору», «Жареной картошки Фундзо» и «Лучших горячих вафель с мороженым» выстроились длиннющие очереди, но, похоже, людей не раздражало долгое ожидание. Выкрашенные в яркие цвета карусельные лошадки плавно поднимались и опускались, кружась на дощатой бирюзово-золотой полосатой платформе.

Волны Атлантического океана шумно разбивались о берег, заглушая грохот колес по дощатому настилу американских горок, которые крутыми петлями нависали над буйками и

⁷ Решительно (*ит. муз.*).

⁸ *Каунт Бейси* (1904–1984) – американский джазовый пианист, знаменитый руководитель биг-бэнда, одна из самых значительных фигур в истории свинга.

⁹ *Муравейник* – популярный на ярмарках североамериканский десерт, для приготовления которого жидкое тесто льют тонкой струйкой в раскаленный фритюр до получения своеобразных плоских пончиков.

пирсом; вдалеке был слышен визг пассажиров, только что резко скатившихся с высоты к самой воде.

Барбаре Донателли было двадцать два года. Одета в комбинезон из жатого ситца, со спускавшейся на спину длинной черной косой, она выглядела обычной молодой женщиной, но держалась как замотанная заботами мать семейства. Барбара решительно подошла к Чичи и толкнула ее в спину, чтобы обратить на себя внимание. Чичи резко обернулась, вскинув кулаки, – она была готова дать отпор любому, кто посмеет до нее дотронуться.

– А, это ты. – Чичи опустила руки.

– Я тебе ору всю дорогу с Фонтейна, – укорила ее Барбара. – Ма велела тебе идти домой.

Будут гости, ей нужна помощь.

– Но там же есть ты. А Па уже разжег гриль.

– Придут все наши кузены.

– А где Люсиль?

– Помогает тете Ви в ларьке с колбасками и перцем.

– У-у, – скривилась Чичи, крутя большим пальцем ноги в песке. – Не хочу я в этом участвовать, у меня отпуск.

– У мамы отпуска не бывает.

Барбара знала, что достаточно упомянуть мать – и Чичи сделает все. Смирившись с судьбой, Чичи повернулась, чтобы последовать за сестрой сквозь лабиринт загорающих тел, но внезапно по пляжу раскатился пронзительный женский крик. Чичи быстро провела взглядом вдоль кромки воды. У самого берега молодая женщина вошла в воду и пыталась что-то выловить из волн.

– Мой мальчик! – снова закричала женщина. – Помогите! Кто-нибудь, помогите! Мой сын!

Другая женщина схватила молодую мать за талию, не пуская ее дальше. Белые барашки пены на гребнях волн заслоняли от берега пловцов, удалившихся от мелководья.

Не раздумывая, Чичи кинулась к кричавшей.

– Она не умеет плавать! – объяснила удерживавшая ту подруга.

– Там! Он вон там! – вскричала мать, показывая точку на воде. – Спасите моего сына!

Чичи взгляделась в прибой и различила не очень далеко от берега прыгающий на волнах пустой надувной плот зеленого цвета. Она бросилась в воду и поплыла.

Барбара, приставив ладонь ко лбу козырьком, чтобы заслонить глаза от солнца, искала взглядом спасательную вышку. Спасателя на ней не было.

– Моя сестра отлично плавает, – заверила Барбара несчастную мать, пытаясь ее успокоить, но это не помогло.

За их спиной послышался свисток спасателя, люди расступились, освобождая проход, и спасатель тоже кинулся в прибой. Рядом с ним заплесала на волнах красная доска-поплавок на веревке.

Добравшись до надувного плота, Чичи поднырнула под него, но в воде никого не увидела. Она попыталась перевернуть плот, предположив, что он мог за что-нибудь зацепиться – например, за корягу, а то и за смытую с пирса старую железнодорожную шпалу. Сердце колотилось от страха – ей никак не удавалось сдвинуть с места этот обтянутый тканью плот. Тогда она прошлась руками вдоль его краев. Основная веревка уходила в воду, на поверхности плавала лишь привязанная к плоту петля. Она снова нырнула, проводя ладонями по виткам закрутившейся пеньки, и вскоре обнаружила под водой мальчика, безжизненно висящего головой вниз. Веревка обвилась петлей вокруг его щиколотки. Борясь с паникой, Чичи сосредоточилась на задаче, распутала узел и всплыла вместе с мальчиком. Но тут их накрыло волной. Ребенок выскользнул из ее рук. В отчаянии Чичи стала шарить руками в прибое. Волны подтолкнули

мальчика к ней, она снова его схватила и вытянула на поверхность, воспользовавшись течением.

Чичи судорожно вдохнула. Крепко держа ребенка одной рукой, она молотила ногами в воде, отчаянно пытаясь нащарить свободной рукой плот. К ним уже приближался спасатель. Мальчик безжизненно качался на воде, скользкий, похожий на резиновую куклу. К тому времени, как до них добрался спасатель, губы ребенка успели посинеть. Он так и не открыл глаза. Спасатель что-то сказал Чичи, но она не слышала его указаний – казалось, она плавает в бутылке из толстого стекла, а мальчик, плот и спасатель где-то снаружи.

– Держитесь за плот! – повторил спасатель, приподнимая мальчика и укладывая его лицом вниз на спасательную доску.

Чичи подплыла к другому краю доски, чтобы не дать ребенку свалиться. Так они и поплыли к берегу: спасатель с одной стороны, а Чичи с другой, удерживая ребенка поровнее. Следом за ними прыгал по волнам на веревке плот.

Изо рта мальчика сочилась морская вода. На вид ему было не больше семи. На мелководье к ним бросилась мать, оттолкнув подругу и Барбару.

– Майкл! – крикнула она.

– Не подпускайте ее, – велел спасатель.

Барбара обняла молодую женщину за плечи, удерживая ее вместе с подругой. Казалось, все собравшиеся в тот день на пляже Си-Айла молча сгрудились на берегу, наблюдая, как спасатель делает искусственное дыхание мальчику, неподвижно лежавшему на доске, вытянутой на холодный песок.

Чичи встала на колени рядом с мальчиком. Спасатель начал давить ему на грудь и дышать в рот.

– Ну давай же, Майкл, – прошептала она ребенку на ухо. – У тебя получится. Давай, возвращайся.

Спасатель бережно и ритмично нажимал ладонями на грудь мальчика, пытаясь заставить его легкие работать.

Голубоватая кожа вокруг носа мальчика начала розоветь. Он дернул шеей. Спасатель помог ему повернуть голову набок, и ребенка немедленно вырвало морской водой. Он начал судорожно хватать воздух ртом. Чичи и спасатель помогли ему сесть. Спасатель легонько постучал по его спине. Мальчик наклонился и отхаркнул еще немного воды. Вскоре, почувствовав жжение в горле, он схватился за шею и расплакался. Мать вырвалась из рук Барбары, побежала к сыну, рухнула на песок рядом с ним и сжала в объятиях, сотрясаясь от рыданий. Грудь ребенка тяжело поднималась и опускалась.

Чичи села на корточки, не спуская глаз с сына и матери. Майкл свернулся калачиком в материнских объятиях, его бледно-розовая спина напоминала завиток ракушки. Он плакал. С каждым всхлипом ровная линия его позвоночника плавно шевелилась, как звенья цепи.

Спасатель знаком показал зрителям, что ребенок в безопасности. Толпа встретила это известие радостными возгласами. Чичи была уверена, что восторженный вопль раскатился по всему пляжу, до самого Уайлдвуд-Креста. Все стали лихорадочно обсуждать счастливый конец: «Будет жить!», «Ожил!», «Бедняга, чуть не умер!» Барбара забросала песком то место, куда ребенка вырвало, скрывая все следы происшествия. Спасатель погнал пляжников обратно к зонтам и покрывалам. Все с облегчением отошли от кромки воды. Значит, сегодняшний день все-таки будет самым обычным, без трагических происшествий.

Чичи продолжала смотреть на мать с сыном. Она закусила губу и почувствовала соленый вкус. Но это была не морская вода, а слезы.

– Сколько нас будет всего, Ма? – спросила Барбара, высовываясь из кухонного окна.

– Думаю, человек двадцать пять, но если придут Рапукки, то все тридцать, – улыбнулась ей Изотта, накрывавшая вместе с Чичи стол на заднем дворе их свежевыкрашенного дома в Кейп-Коде.

Скатерть в красно-белую клетку ровно легла на деревянную поверхность стола.

Изотта Донателли была итальянкой венецианского происхождения, но в свои сорок пять, проведя столько лет замужем за Мариано, неаполитанцев знала как облупленных. У нее были теплые карие глаза, бледная кожа, прекрасные белоснежные зубы и крупный прямой нос, какой часто встречается у северных итальянцев. Улыбка у нее была широкая и сияющая. Как и у дочерей, у нее были длинные темные волосы, однако тронутые сединой у висков; она их заплетала в косу и укладывала в узел.

– Ну как же так вышло? – посетовала Чичи. – Ты ведь вроде бы собиралась в этом году не дать числу гостей выйти из-под контроля, Ма. Я не хочу работать, когда у меня выдалась неделя отпуска. Хочу загорать и отдыхать.

Средняя дочь Изотты уже успела заколоть в пучок свои мокрые волосы, но пока оставалась в красном раздельном купальнике, открывавшем с полдюйма загорелой талии. Трусики, скроенные на манер мужских, как короткие шорты, заканчивались на середине бедер. Чичи надеялась провести время после обеда, укладывая волосы в прическу, чтобы затем влезть в сарафан и золотистые сандалии и протанцевать ночь напролет в павильоне на променаде.

– В этом и состоит проклятье жизни на побережье, – сказала Барбара, опуская на стол стопку тарелок. – Все лето напролет на пляж выбрасывает родственников.

– А кто вообще придет? – спросила Чичи, раскладывая столовые приборы.

– Кузены из Мичигана, – начала перечислять мать, попутно пересчитывая места и тарелки.

– Фермеры, – вставила Чичи.

– Сталелитейщики, – поправила ее Барбара.

– А в чем разница?

– Первые волокут корзины перцев для закруток, а вторые привозят каталог «Форд» с новыми моделями 1938 года, – мечтательно сказала Барбара. – Один подарок нам только прибавит работы, а вот другой – моя книга мечты.

– Кузина Джузи – помнишь ее, она дочь троюродной сестры моей матери, – так вот, она приведет свою кузину по мужу. Которая вышла за того типа из Италии примерно тогда же, когда мы с твоим отцом обвенчались. Его фамилия Армандонада, – пояснила Изотта.

– То есть с самой Розарией мы не в родстве? – уточнила Барбара.

– Я знаю! Нам надо просто открыть ресторан. Тогда, по крайней мере, мы начнем зарабатывать деньги, вместо того чтобы бесплатно кормить всех этих двоюродных и семиюродных родичей, – проворчала Чичи.

– Сын Розарии – певец.

Чичи сузила глаза:

– А он выпустил какие-нибудь пластинки?

– Об этом тебе придется спросить у его матери.

– А я ведь спрошу, ты же знаешь.

– Заранее сочувствую девушке, которой достанется такая фамилия. Звучит как название баржи времен Нерона. – Барбара последовала за сестрой, расставляя вазочки для салата. – Зачем вообще выходить за итальянца из Италии? Викторианство какое-то.

– Не знаю, Барбара, – улыбнулась мать. – Может быть, по любви?

– Для каждого человека любовь имеет свое, особое, значение, – напомнила ей Чичи. – Ты слышала о Монике Спадони? Родители просватали ее за парня, которого она в глаза не видела, из деревни, где она никогда не бывала, из семьи, которой она не знала, – и все это после одной-единственной фотокарточки, которая была прислана авиапочтой из Неаполя.

– А он был красивый? – спросила Барбара.

– Чрезвычайно. Но это оказалось его единственным достоинством. Моника понятия не имела о том, что ее ждет, – помимо его роскошной физиономии, конечно. И вот сходит он с корабля в Нью-Хейвене. Моника влюбляется в него без памяти. Они венчаются, и тут выясняется, что он человек злой и жестокий, ну она и почувствовала себя обманутой. Довольно скоро он пустил по ветру все ее сбережения, оставил без гроша и вернулся в Италию к жене и детям.

– Как романтично! Рассказывай еще, Чичи. – Барбара аккуратно скрутила салфетки и принялась раскладывать их по тарелкам. – Кто же не любит скандальных историй о двоеженцах?

– А мораль тут какая? Да, Моника взвалила себе на шею истинное сокровище прямо из Катании. Но она получила урок. Питайся плодами из собственного сада, потому что в противном случае никогда не знаешь, что получишь.

– Но это ведь исключение, Чичи, – сказала мать. – Обычно, когда семья устраивает *ambasciata*¹⁰, они из кожи вон лезут, чтобы найти для дочери подходящего жениха. А вовсе не выдают ее за первого встречного.

– Одной ошибки достаточно, чтобы испортить себе всю жизнь, – напомнила Чичи. – Кто нас этому научил, Ма?

– Ну, я.

– Куда березовое пиво¹¹, Изо? – Мариано, за которым Изотта была замужем вот уже двадцать четыре года, толкнул ногой заднюю калитку и вошел во двор, неся на плече отливавший серебром бочонок.

У кряжистого плотного лысоватого Мариано были мускулистые предплечья каменщика. Недавно он отрастил тонкие усики в подражание киноактеру Уильяму Пауэллу.

– Мариано, немедленно поставь бочонок! Девочки, помогите папе.

– Папа, о чем ты только думал? – кинулась к нему Барбара. – Взял бы тележку.

– Ты спину надорвешь! – Чичи вместе с Барбарой сняли бочонок с его плеча и устроили на низком каменном заборчике, который отец в свое время собственноручно сложил из валунов.

– Поглядите на меня, я даже не вспотел! – Мариано победно поднял ладони. – Я такой же сильный, как в тот день, когда ты вышла за меня замуж, Изотта. – Он вынул из кармана кран и передал его Чичи. Девушка приладила его к бочонку. – А я нажарил достаточно сосисок? – с тревогой спросил он, разглядывая накрытый стол. – Тут же уйма тарелок.

– Да-да, сосисок хватит, – заверила его Изотта.

– Ма, мне отправлять противни в духовку? – крикнула из кухонного окна Люсиль.

– Да, милая, и пусть она себе греется. Что ты принесла?

– Четыре дюжины свежих булок, две сковороды колбасок с жареным перцем, сковороду яичницы с перцами и еще одну с баклажанами. Тетя Ви прислала три пиццы с картошкой и четыре *pizza alige*¹².

– Еды у нас более чем достаточно, – заключила Барбара, расставляя напитки на отдельном столике.

– Кто поможет папе с мороженым?

– Я! – Чичи последовала за отцом в подвал, где хранилась мороженица.

Люсиль появилась из кухни, откусывая от булки.

– Булки оставь для гостей, – пожурела ее Барбара.

– Да их тысячи, всем хватит, – отмахнулась Люсиль с полным ртом.

¹⁰ То есть засылает сватов.

¹¹ *Березовое пиво* – газированный либо ферментированный прохладительный напиток на основе березового сока.

¹² Пицца с жареным луком и анчоусами (*um*).

Восемнадцатилетняя Люсиль была в семье младшенькой – и самой красивой из сестер, хотя сама того даже не сознавала.

– Мне переодеться? – спросила она.

Изотта и Барбара оглядели Люсиль с головы до ног. Она была в рабочих башмаках и джинсовом комбинезоне, забрызганном жиром из фритюрницы.

– Да! – хором сказали они.

Люсиль картинно закатила глаза и отправилась в дом переодеваться.

– Если бы она еще и знала, как хороша собой, то была бы по-настоящему опасна, – тихо сказала матери Барбара.

– А ты ей не говори.

Чичи с отцом вышли из подвала. Он нес деревянный бочонок с ручкой – это и была мороженица. Чичи тащила следом мешок каменной соли.

– С каким вкусом готовить мороженое? – спросила Чичи, устанавливая машинку и высыпая соль во внешний контейнер.

– Ванильное, – предложила Барбара.

– Всего-то скучная ваниль? Ну же, Барб, придумай что-нибудь поинтереснее.

– А зачем спрашивать, если тебе не нравится, что я предлагаю?

– Я хотела проверить, решишься ли ты однажды предложить что-нибудь порискованнее.

– Ваниль подходит ко всему, – упорствовала сестра.

– И это отлично, – сказал Мариано, опуская куски льда в миску под мороженицей. – Особенно если брызнуть туда рому.

– Здорово, папа! – ухмыльнулась Чичи. – Всегда забавно, когда двоюродные тетки соловеют от мороженого.

Праздник у Донателли по случаю Четвертого июля вылился с заднего двора на веранду, а некоторые кузены и вовсе уселись с тарелками на переднем крыльце и на лужайке перед домом. Вверх и вниз по Сэнд-Пойнт-стрит соседи тоже пировали на свежем воздухе – живущие на побережье семьи обычно устраивали в это время свои ежегодные летние вечеринки. Старики искали тени под зонтом, водруженным над столиком, или подставляли лицо свежему бризу, веявшему под увитой виноградом аркой, которая вела, как зеленый коридор, от вымощенной камнем тропинки сбоку от дома до заднего двора.

Изотта хорошо воспитала своих дочерей. Люсиль и Барбара подносили еду гостям и следили, чтобы напитки у всех были холодными, а стаканы – полными. На кухне Чичи воткнула ложечки в батарею стеклянных бокалов с мороженым и ломтиками свежей клубники. Загрузив бокалы на поднос, она толкнула бедром сетчатую дверь, вышла в сад и в первую очередь занялась старшим поколением – просунула голову под зонт и предложила старикам десерт.

– Чичи, ты знакома с моей кузиной Розарией? – Джузи Фьерабраччо взяла с подноса два бокала и вручила один кузине. – Миссис Армандонада. Она из Мичигана. Точнее, из Детройта.

Узор легкого платья без рукавов взрывался разлапистыми пальмовыми ветвями на крепкой фигуре Джузи.

– Благодарю, что пригласили меня, – сказала Розария, пробуя мороженое.

– Мы были только рады. Как видите, уж что-то, а гостей мы любим, – улыбнулась Чичи. – Поосторожнее с мороженым, мы его кое-чем заправили.

– Алкоголь испаряется на солнце, – заявила Джузи, помахав ложкой и роняя ее обратно в бокал. – В жару просто невозможно захмелеть, все градусы выходят из человеческого тела через поры.

– Сегодня после обеда я сходила на пляж, – начала Розария.

– Погода выдалась великолепная, – кивнула Чичи, предлагая мороженое проходящим мимо гостям.

– Вы спасли жизнь тому мальчику.

– Да ну, пустяки, – покраснела Чичи.

– Нет-нет, для того мальчика и его матери это значило все. – Розария обернулась к Джузи: – Она просто взяла и прыгнула в океан, чтобы спасти ребенка. Не раздумывая. Не стала ждать спасателя.

– Просто я стояла близко к воде, – негромко сказала Чичи. – Любой другой на моем месте помог бы.

– На берегу были сотни людей, но именно вы вошли в воду и спасли мальчика!

– А я боюсь воды, – призналась Джузи, зачерпывая ложечкой мороженое. – По мне, океан чересчур опасен и загадочен. Ах, *Madone*!¹³ Везде что-то хлопает, пенится, и снизу, и по бокам, а в глубинах плавают странные рыбы, многие из них такие зубастые. Никогда не знаешь, на что наткнешься. Не люблю я этой неизвестности и зыбкости. Сказать вам правду, я даже лодки недолюбиваю. Лучше уж я останусь на твердой почве, под зонтом, с хорошей книжкой. Вот такое побережье мне по нраву.

– А что, отличные каникулы! – рассмеялась Чичи.

– Надо знать, что тебе нравится в жизни, – поучительно сказала Джузи, – или потеряешь драгоценное время, делая то, что нравится другим. – Она проглотила мороженое и заключила: – Не будь последовательницей, Чичи. Будь предводительницей.

– Усвоила.

– А вам нравится музыка биг-бэндов? – спросила Розария у Чичи.

– Ты шутишь, Роза? У Донателли все дочери музыкантши. Эта девочка выступает вместе с сестрами. – Джузи показала на Барбару, разливавшую березовое пиво, и на Люсиль, уносившую на кухню пустые подносы. – Причем отлично выступает. Наш си-айльский ответ сестрам Долли¹⁴. Они поют в церковном хоре и на танцевальных вечерах при Обществе Святого Имени.

– Мы и пару пластинок записали, – добавила Чичи.

– Какая прелесть! – восхитилась Розария. – А мой сын поет с оркестром Рода Роккаразо. Они всю неделю выступают в отеле «Кронеккер».

– Он там солист?

– Да. Есть и девушка-солистка. Они то поют дуэтом, то по очереди выступают с оригинальными номерами. Хотите сводить свою семью на концерт сегодня вечером?

– Я думаю, они будут в восторге!

– Тогда я договорюсь насчет контрамарок.

– Благодарю вас, миссис Арман...

Джузи предостерегающе подняла руку:

– Позволь мне. *Армандонада*. Как будто рот набит макаронами, а ты еще и фрикадельку туда пихаешь. Ума не приложу, как твоему мужу удалось проскользнуть через остров Эллис¹⁵ и остаться при своей фамилии!

Розария проигнорировала ее замечание и посмотрела на Чичи.

– Так я скажу Саверио, что вы придете, – улыбнулась она.

Проталкивалась сквозь толпу гостей и разнося мороженое, Чичи обернулась, чтобы поглядеть на Розарию, носительницу невероятной фамилии. Розария была из тех итальянок, кто в простом льняном платье, сандалиях и с незатейливым медальоном выглядит настоящей королевой.

¹³ Мадонна (*искаж. ит.*).

¹⁴ *Сестры Долли* – близнецы Розы и Дженни Долли получили известность как танцовщицы, певицы и актрисы в 1910–1920-х годах.

¹⁵ *Остров Эллис* – остров, расположенный на реке Гудзон в бухте Нью-Йорка. С 1892 по 1954 г. служил самым крупным пунктом приема иммигрантов в США. Чиновники нередко переписывали или вовсе заменяли иностранные фамилии ново-прибывших на более удобопроизносимые.

А Розария видела в Чичи Донателли что-то вроде ангела. Этой юной девушке не понять, что значило для той матери спасение сына из океанских волн. Чичи понимать этого еще не могла, зато Розария понимала как никто.

Поднимаясь по крыльцу отеля «Кронеккер», Чичи развязала и снова завязала бант на плече – бретелька то и дело сползала. Этот сарафан из легкого ситца в розовую и зелено-голубую клетку она сшила сама. Люсиль была одета в голубой пикейный сарафан с большой декоративной заплаткой в форме ананаса на прямом подоле. Барбара облачилась в платье из полупрозрачной розовой органзы с поясом из вышитых маргариток.

– Барышни, я здесь! – позвал их с улицы Чарли Калца.

– Ну скорее же! – подстегнула его Барбара.

– Твой парень вечно опаздывает, – посетовала Чичи. – Если мы из-за него пропустим концерт, я задам ему трепку собственными руками.

– Я сама с ним справлюсь. Я постепенно учусь терпению, – ответила Барбара.

Чарли взбежал по ступенькам и просочился сквозь толпу, чтобы присоединиться к девушкам.

– Простите. Мне пришлось устанавливать денежные ящики в билетной кассе.

Чарли был парнем Барбары еще с детства. Высокий и плотный, он расчесывал темно-каштановые волосы на косой пробор и приглаживал их помадой, как будто по-прежнему готовился к школе в первый день учебного года. Чарли работал счетоводом в павильоне на promenade Си-Айла, и благодаря ему сестры Донателли побывали на концертах всех заезжих музыкантов, от Фреда Уоринга до Глена Миллера. Теперь он удовлетворенно оглядывался.

– Шикарное местечко, – заметил он.

– Иногда хочется отдохнуть от павильона, – сказала Барбара.

Отель «Кронеккер» и ресторан при нем размещались в массивном викторианском особняке на Оушн-драйв, занимавшем почти весь квартал. Выкрашенный в респектабельный серый цвет, с коралловой отделкой, отель славился отличными морепродуктами и изысканно обставленным бальным залом, в котором выступали известные танцевальные оркестры.

У дверей Чичи сослалась на Розарию, и всю компанию немедленно провели к одному из лучших столиков в передней части кишашего людьми бального зала. Благодаря широко распахнутым огромным окнам ночной воздух свободно гулял по помещению, остужая толпу. Шелковые шторы надувались и развевались под океанским бризом, как бальные платья.

– Это ты, Чичи? – спросил знакомый голос у них за спиной.

– Рита! Ты-то что здесь делаешь?

– У меня свидание с парнем. Он такой симпатяга! – Рита Мильнишки, лучшая подруга Чичи с фабрики, показала на свой столик: – Один из братьев Озелла, ты их знаешь. Хорошая семья. Из прихода Святого Доминика.

– Ага, вижу. Тебе достался тот, который красавчик.

– Знаю. Дэвид. Но он – не тот, который богач. Его заграбастала Линн Энн Миничилло. А почему ты сидишь прямо у сцены? Собираешься выступать? – Рита поправила свою кокетливую шляпку без полей и пригладила оборки на кисейной юбке с вышивкой в горошек.

– Нет, мы пришли послушать музыкантов.

– Говорят, они отличные, – сказала Рита.

– Пойдем попудрим носик? – спросила Чичи, беря Риту под руку. – Тебе это просто необходимо.

– С моим носом все в порядке! – воспротивилась Рита.

– Ну а мой лоснится, как жареный перец. Мне нужна компания, – заявила Чичи. Они протиснулись сквозь толпу и вышли в фойе. Чичи задумчиво измерила взглядом коридор. – Вообще-то я хочу поздороваться с мистером Роккаразо, – призналась она.

– А ты разве с ним знакома? – удивилась Рита.

Чичи не ответила. Рита последовала за ней по коридору до самой кухни.

– Кухня – центр всего, – прошептала Чичи. – Отсюда даже на сцену можно попасть.

– А ты откуда знаешь?

– Мария Барраччини работает здесь официанткой, она мне кое-что рассказала.

– То есть ты уже все тут разнюхала? – округлила глаза Рита.

– Ага, никогда не пропускаю фильмов с Мирной Лой¹⁶, – ухмыльнулась Чичи.

Рита пошла за Чичи через раскаленную гостиничную кухню. Это был настоящий конвейер, только очень беспорядочный, исполнявший своеобразную симфонию из лязга, треска, шипения и выкриков; шеренга поваров переворачивала стейки на гриле, подбрасывала креветки на сковородах среди вспышек пламени и выуживала сеточки с моллюсками из пышущих паром алюминиевых кастрюль, в то время как официанты составляли на подносы белые тарелки с готовыми блюдами. Занятые грязной посудой поварята были так загружены работой, что едва обратили внимание на Чичи и Риту, пробиравшихся мимо раковины.

– Надеюсь, от меня теперь не несет жиром из фритюрниц, – заволновалась Рита, обмахивая свои рукава. – Я надушилась «Убиганом». А вдруг этот чад его заглушит?

– Все в порядке, мы ведь там не задерживались, – успокоила ее Чичи.

Они шли по длинному коридору, одна стена которого была увешана афишами прошлых танцевальных вечеров, а другая являла собой вереницу закрытых дверей. Чичи трогала каждую дверь, проходя мимо, будто пытаясь угадать, кто стоит за ней. Из дальнего конца коридора доносились звуки настраиваемых инструментов, на последней двери висела написанная от руки табличка «ОРКЕСТР». Чичи наклонилась поближе к замочной скважине, прислушиваясь к гаммам и трелям духовых, заглушавшим разговоры в комнате. Коридор заканчивался дверью на веранду. На ней красовалась надпись «ПЕВЦЫ».

– Наверняка он там, курит вместе с солистами, – прошептала Чичи, толкая сетчатую дверь. Опоясывавшая этаж веранда пустовала, за исключением столика с зеркалом, подготовленного для коррекции макияжа, пары плетеных кресел и – двух силуэтов, мужчины и женщины, которые наслаждались минутой уединения.

Женщина примостилась на перилах веранды, а мужчина прижимал ее к себе, обвиваясь вокруг нее, как сорняк, душащий розу. Он страстно целовал ее шею; его каштановые кудри упали на лоб, и женщина их поправила. Ее руки опустились на его шею, затем на плечи, и она начала их массировать, как будто месила тесто для лапши. Чичи и Рита переглянулись и снова уставились на пару.

Женщина захихикала и отодвинулась, заметив, что на них вытаращились две незнакомки. Ее нога, ловко обвившаяся вокруг талии мужчины, сползла вниз по его ноге, а светло-зеленая лайковая туфелька соскользнула со ступни и свалилась на пол. Молодой человек поглядел на туфлю, затем через плечо – на Чичи и Риту.

– Простите! – выпалила Чичи, вытолкала Риту с веранды и захлопнула дверь.

– Пошли отсюда! – скомандовала Рита.

Девушки пустились бежать. Они пронеслись по коридору, через кухню, вылетели из кухонных дверей и не останавливались, пока не оказались снова в бальном зале.

– Какой кошмар! – задыхаясь, выдавила Рита. – Надеюсь, я их больше никогда в жизни не увижу.

– Сейчас увидишь. На сцене, – сухо напомнила Чичи.

Чичи села на свое место у переднего столика, а Рита присоединилась к семейству Озелла. Достав из сумочки губную помаду, Чичи быстро подкрасила губы, глядясь в широкий нож

¹⁶ *Мирна Лой* (1905–1993) – популярная в 1930-х годах американская актриса, часто игравшая роковых женщин-вамп.

для масла, как в зеркальце, затем вернула помаду на место, поправила бретельки сарафана и выпрямилась на стуле.

Что-то ее привлекало в том молодом человеке, хоть у него уже явно была другая. Ей понравилась его уверенность в себе. То, как он обнимал девушку, выглядело именно как любовные объятия, а не как беспорядочное лапанье в исполнении некоторых парней, с которыми ей довелось встречаться. Он держался самодовольно, будто шейх, но ей понравилось, что он был итальянцем, как и она сама. И по возрасту они вполне совпадали; глядя на него, она думала, что ее собственная музыкальная карьера тоже еще может состояться. Впрочем, не исключено, что ей просто хотелось очутиться в объятиях такого мужчины. Она отмахнулась от этой мысленной картины. Он принадлежит другой женщине, а Чичи ни за что не стала бы кадрить чужого парня. Опасность такого рода была ей незнакома – до поры до времени.

Чичи поежилась и пожалела, что не захватила свое кашемировое болеро. Ночью на побережье иногда бывало прохладно, даже в июле.

Когда начали приглушать свет, Рита открыла пудреницу. Если до беготни за Чичи ей не требовалось привести нос в порядок, то уж теперь-то это стало необходимым. Она бережно прошлась по лицу замшевой пуховкой. Семейство Озелла развернуло свои стулья, чтобы лучше видеть сцену.

Конферансье Базз Крейн, самый знаменитый ведущий в этих краях, шагнул в круг нежно-розового света и объявил оркестр Роккаразо. Музыканты гуськом прошли на сцену и заняли свои места под аплодисменты зала. Когда раздались первые такты мелодии, Чичи поняла, что свинг они играют мастерски. Барбара толкнула ее в бок, заметив, как Розария Армандонада садится за один из передних столиков вместе с кузиной Джузи.

Род Роккаразо возник из закулисной тени, встал у микрофона посреди сцены в лучах прожектора и представил свой ансамбль. Духовые привстали и протрубили залихватский джазовый рифф, а барабанщик изо всех сил колотил своими палочками. Два луча света перекрестились. В одном стояла давешняя девушка с перил, пепельная блондинка, а в другом – тот самый донжуан, которого Чичи с Ритой застукали на веранде, привлекательный юноша калабрийского типа. Он небрежно отбросил со лба густые кудри. Легко было представить этого красавца в любой американской семье итальянского происхождения в Си-Айле. Чичи повернула голову, чтобы перегляднуться с Ритой. Рита подмигнула в ответ.

Глэдис Овербай и Саверио Армандонада выступали складно, по налаженной программе: песни – исключительно любовные, эдакое романтическое па-де-де с несложной музыкой, великолепно подходившей для танцев. Пары закружились, едва в зале притушили свет. Чичи почувствовала, как деревянный пол проседает под весом танцующих пар, скользящих мимо нее в своих кремовых костюмах и платьях на бретельках. Она закрыла глаза, прислушиваясь к голосу Саверио. У него был необычно звучащий сочный тенор. Глэдис пела заурядным хрипловатым альтom. Их голоса не очень хорошо сочетались, но для оркестра такого уровня и подобного развлекательного вечера вполне годилось.

Базз взялся за микрофон.

– Леди и джентльмены, мне рассказывали, что здесь, на джерсийском побережье, живет множество итальянцев, так что мы привезли вам бутылочку острого итальянского соуса, чтобы оживить вечер. поприветствуйте «Смешливых Сестричек», которые приехали к нам из благоуханного Норт-Провиденса в Род-Айленде. Не пропустите их пластинку «Мамаша-пистолет» от студии «Джей-энд-Джей Рекордс»!

Перед микрофонами выросли три самые блистательные девушки, каких Чичи когда-либо встречала в своей жизни. В золотой парче шикарных облегающих платьев до середины икры, закрепленных на плече огромным бантом, они смотрелись как три платиновые палочки для коктейля. Чичи внезапно почувствовала себя десятилетней, а сшитый дома клетчатый сарафан показался ей не наряднее столовой салфетки.

– Я Хелен Десарро, – представилась зеленоглазая блондинка.

– Я Тони Десарро, – помахала зрителям миниатюрная рыжеволосая девушка, искрясь улыбкой.

– А я умираю от скуки, – заявила мрачноватая брюнетка, глядя вдаль через головы зрителей. Зал расхохотался.

– Может, споем *Marie*? – предложил Саверио.

– Только если она обо мне. Меня, кстати, Анной звать. Анна Стасиано, – сообщила брюнетка.

– А как же Глэдис? – спросила Хелен.

– Она вышла пошептать с пачкой «Лаки Страйк», – объяснил Саверио.

– Ну, тогда ладно, – пожала плечами Хелен. – Будем только мы, «Смешливые Сестрички», и Савви.

Девушки сгрудились вокруг микрофона Глэдис, а Саверио остался у своего. Оркестр заиграл первые такты введения к *Oh Marie*.

– Леди и джентльмены, – объявил в микрофон Род, – танцуют все!

Ритмично покачиваясь, «Смешливые Сестрички» стали притоптывать в такт. Зрители отодвинулись от сцены. На этот раз танцующих пар было так много, что они стояли почти бок о бок, как консервированные персики в банке с сиропом. Саверио солировал, а девушки повторяли за ним строчки и обеспечивали эхо тремя безупречно сложенными голосами.

Барбара танцевала с Чарли, Люсиль – с младшим из мальчиков Озелла. Чичи вытряхнула сигарету из оставленной Чарли на столе пачки и прикурила от свечи на столе. Она не была заядлой курильщицей, но в этот вечер ей требовалось отвлечься. Вид «Смешливых Сестричек» пробудил у нее приступ изжоги, который в семействе Донателли называли «зеленой тоской» и обычно объясняли обыкновенной завистью.

Ведь «Сестры Донателли» тоже раз сто, не меньше, спели эту заезженную песню на бесчисленных свадьбах и собраниях «Сынов Италии», а также на множестве церковных праздников к северу и к югу по побережью. Сестры Чичи держались гармонии и попадали в ноты независимо от того, было ли настроено аккомпанировавшее им пианино и попадал ли саксофонист по клавишам. Так почему бы им тоже не выступать с большим оркестром? Почему бы и им не обзавестись красивыми платьями, приличными прическами и покрашенными ногтями и не путешествовать с настоящими музыкантами, у которых и тромбон, и саксофон?

Чичи решила, что не позволит ничему встать на пути «Сестер Донателли» к записи шлягера. В выступлении имело значение все: выбор песен, аранжировка, одежда, но особенно – звучание. Каждая написанная Чичи песня обладала достаточным потенциалом, чтобы швырнуть ее из неизвестности прямо в центр внимания публики. Чичи лихорадочно строила планы и даже вспотела от напряжения. Казалось, она собственноручно перетаскивает камни, из которых предстоит возвести пирамиды.

Чичи наблюдала за свободно державшимся на сцене Саверио. Он как будто отошел на задний план, оставив «Смешливых Сестричек» отдуваться за него, а сам притопывал ногой, оглядывая танцующих, оценивая интерес зрителей к песне, вкладывая при необходимости ровно нужное количество усилий и не утруждаясь, когда в этом не было потребности. Солист всегда мог себе позволить отдыхать на сцене. Но не девушки. Они должны были изображать чувства, трогать сердца и притягивать зрителей.

Пробравшись сквозь толпу под последние ноты *Oh Marie*, Розария взяла Чичи за руку.

– Я хочу познакомить вас с моим сыном, – сказала она.

– Не стоит беспокойства, миссис Армандонада, – отказалась Чичи. – Он ведь занят.

– У него сейчас перерыв, – настаивала Розария.

– Я уверена, что он хочет отдохнуть.

– Для этого еще будет время. Пойдемте со мной.

Чичи хотелось провалиться сквозь землю. Розария тащила ее за собой, расталкивая людей, а Чичи страдала: платье не то, сандалии тоже, локоны висят печальными сосульками. Да еще и нынче после обеда у нее сторел на солнце нос, когда она прибирала во дворе после гостей. Совсем не так она планировала выглядеть, представляя себе минуту, когда пробьется на профессиональную сцену. К тому же – ну как скажешь матери, что видела, как ее сын стоя занимался любовью с девушкой из того же ансамбля незадолго до начала концерта?

– Саверио, это Чичи Донателли, – представила ее Розария. – Сегодня я обедала у нее в доме.

– Привет, Саверио. Какая удачная программа!

– *Grazie*¹⁷.

А вот Саверио выглядел весьма привлекательно. И кудри у него не развились. Нос, правда, немножечко кривоват, но это не имело значения. Он был галантен и вежлив – прямо мечта любой итальянской матери. Розария вернулась к своему столику, Чичи – к своему, и представление продолжалось.

Саверио встал у микрофона. Оркестр настроился на заключительную часть концерта. Чичи внимательно следила за сценой. Вот и Глэдис присоединилась к Саверио в лучах софитов. Солистка переоделась в чрезвычайно элегантное вечернее платье – воздушное, с открытыми плечами, сшитое из чесучи медового оттенка и собранное на талии настоящим водопадом искрящихся стразов. Саверио протянул к ней руку, она ее приняла. Он поклонился. А когда выпрямился, они завели *By the Sea*.

Чичи заинтересовало сценическое мастерство солиста и солистки. Она следила за тем, какие именно песни они отобрали для исполнения и как определенные мелодии сочетались друг с другом в программе выступления. Взаимодействие этой пары с оркестром отдавало магией, и дело было не просто в том, как они пели и держались. Они не выставались, как блестящие безделушки в витрине, призванные завлечь потребителя на игру инструментов, – напротив, своей молодостью и красотой они олицетворяли основную мысль программы. Глэдис и Саверио были влюблены друг в друга, и это делало их выступление убедительнее; связь между ними была гладкая, как шелковый чулок. Их взаимное притяжение тоже было частью представления.

Чичи шла одна домой под луной, которая то выскальзывала из низко висящего тумана, то снова пряталась, половинчатая, как полунота. В дороге ей удалось хорошенько поразмыслить над всем увиденным и услышанным за вечер. Пришлось вежливо отклонить приглашение миссис Армандонады задержаться и угоститься десертом вместе с ее сыном и Джузи. Чичи была не в настроении для подобных развлечений. Подумать только, они с Саверио практически ровесники, а она все еще не перепрыгнула из любителей в профессионалы. Иногда – как, например, в этот вечер – она опасалась, что ее музыкальная карьера так никогда и не осуществится. Поэтому последнее, чего ей сейчас хотелось, это проводить время с человеком, который уже заполучил карьеру ее мечты.

Когда она толкнула сетчатую дверь на переднем крыльце родного дома, из кухни донеслись голоса семьи. Чичи закинула сумочку на диван и сбросила сандалии. В воздухе висел густой аромат свежего кофе, корицы и сдобного кекса.

Все стулья вокруг кухонного стола были заняты. Мать Чичи, отец, сестры и Чарли Калца горячо спорили о строившейся у павильона автомобильной парковке. Чичи выдвинула из-под раковины табурет и втиснулась между Люсиль и матерью.

– Ты где пропадала? – спросила Барбара, наливая сестре кофе.

¹⁷ Спасибо (ит.).

– Наверняка обрабатывала певца, – предположила Люсиль, передавая Чичи блюдо с ломтем кекса и вилку.

– Меня ему официально представили. Ну, почти.

– Я так и знала. – Люсиль отпила кофе. – Она его обработала.

– Если мы хотим попасть на радио, нужно налаживать связи, – пояснила Чичи.

– Вообще он довольно симпатичный, этот Саверио, – признала Люсиль.

Барбара воткнула вилку в кекс и заметила:

– Ужасно тощий.

Чарли похлопал себя по животу и удовлетворенно заявил:

– Я рад, что тебе нравится немного мяса к картошке.

– И к кексу. – Мариано передал Чарли сливки для кофе.

– Спасибо, мистер Донателли.

– Девочки, завтра утром встаем пораньше и репетируем, – объявила Чичи, снимая вилкой глазурь с кекса. – Я хочу попробовать записать еще одну песню, прежде чем этот оркестр покинет город. Было бы здорово, если бы «Сестры Донателли» уехали с ним на автобусе – хотя бы в виде пластинки.

– На меня не рассчитывай, Чичи. – Люсиль подперла щеки руками. – Я устала. Я вся в ожогах от фритюрницы тети Ви, а еще мы только-только закончили прибираться на заднем дворе после гостей. Давай в пятницу порепетируем.

– Но мне нужен твой вокал, чтобы складывалась гармония.

– Па, вели Чичи, чтобы она отстала! – заныла Люсиль. – Скажи ей, что это просто хобби.

– Для меня это не хобби, – не отступала Чичи. – Мы никогда не пробьемся на большую сцену, если не будем репетировать.

– Оставь ее в покое, – сказала Чичи Барбара. – Не все из нас так честолюбивы, как ты.

– Ну и зря. Вы ведь отлично поете, девочки, – напомнил им отец. – И запоете еще лучше, если станете слушать сестру и будете репетировать по выходным.

– Да этих поющих сестер – как песка на пляже Си-Айла, – сказала Барбара. – Они везде. А еще их можно ввозить из других штатов. Конечно, те девушки, что сегодня выступали, были потрясающие, но они ездят туда-сюда и берутся за любую работу, какая подвернется. Извините, но такая жизнь не для меня. Я люблю быть дома.

– Но нас вот-вот заметят. Все, что нам требуется, это еще немного порепетировать и получить свой шанс! – взмолилась Чичи.

Люсиль собрала десертные тарелки.

– Мы только и делаем, что тяжело трудимся, – пробурчала она. – Или ты не заметила? Может, я не хочу проводить все свои выходные, подрабатывая на стороне.

– Ну и что с того? – возразила Чичи. – Мы ведь все равно гнем спину на фабрике. А если прорвемся в шоу-бизнес, денег там будет больше. И тогда каждая получит то, о чем мечтает. Вот Барбара хочет двухместный «форд», а ты – выучиться на секретаршу.

– А чего хочешь ты, Чичи? – спросила мать.

– Весь мир.

– Он уже принадлежит богачам. Не жадничай. – Люсиль включила воду над мойкой.

– Хочется жадно использовать доступное время и работать над тем, что мне нравится делать. Ну да, мне нравятся красивые платья и туфли. Что в этом плохого?

– Наслаждайся этими вещами, пока ты молода, потому что, когда доживешь до моего возраста, они тебя уже не будут волновать, – вздохнула мать.

– Неужели это правда, Ма?

– С возрастом начинаешь желать другого, – заверила дочерей Изотта. – Того, что не продается в бархатном футляре или в шляпной коробке.

– Например? – спросила Чичи.

– Времени.

– А, всего-то! Ну, времени у меня как раз предостаточно. – Чичи обняла мать. – Могу отчитаться за каждую минуту, отработанную на фабрике. Но по мне, в жизни должно быть и кое-что получше, чем работа на конвейере в «Джерси Мисс Фэшнз».

– Мечтать о большем хорошо, – сказал отец.

– А еще лучше – подпитывать эти мечты еженедельной получкой, – напомнила сестре Барбара.

– Барбара такая практичная, – улыбнулся Чарли. – Это одна из вещей, которые я больше всего в ней люблю.

Его признание показалось семье предисловием к серьезной речи, и все Донателли вопросительно уставились на него.

– Чарли хочет вам кое-что сообщить. – Барбара толкнула парня локтем. – Мы ждали, пока ты вернешься домой, Чичи. Хотели, чтобы вся семья была в сборе.

Чичи скрестила руки на груди:

– Ну и что у вас приключилось?

– Не то чтобы приключилось... Скорее, приключится. – Чарли взял Барбару за руку. – Наше приключение. Я поговорил сегодня с вашим отцом, и он дал свое согласие. Мы с Барбарой собираемся пожениться.

– Чудесная новость! – Люсиль оставила немытые тарелки и кинулась обнимать сестру и Чарли. – Я буду подружкой невесты! Только, ради бога, выбери голубой для моего платья. И я хочу надеть широкополую шляпу с лентами, как та, в которой Джун Эллисон¹⁸ снялась в фильме, что я смотрела на прошлой неделе.

– Дай сестре время подумать, а мне сшить! – осадила младшую дочь Изотта, но та продолжала ликовать.

А Чичи была просто оглушена новостью. Она совершенно не ожидала услышать подобное, но отлично понимала, что это значит. Ее сердце упало.

– Поздравь сестру, – наклонилась к ней Изотта.

Чичи почувствовала, что едва способна передвигать ноги. Она отъехала на несколько шагов на своем табурете на колесиках, встала, подошла к сестре и Чарли и обняла их. Отец разлил по хрустальным бокалам сладкое вино, чтобы выпить за здоровье помолвленной пары, а мать их раздала.

Все подняли бокалы, и Чичи тоже. Она даже заставила себя улыбнуться. Конечно, она была рада за сестру и Чарли, все знали, что они любят друг друга. Дальше Барбара займется планированием свадьбы, а после венчания всецело посвятит себя мужу, как и все итальянки в Нью-Джерси. А хобби с его атрибутами – сценарии, номера, костюмы, реквизит, – все это будет уложено в сундуки вместе с детскими книжками и куклами и отправлено на чердак, откуда бывшее увлечение сестер извлекут на свет божий, только когда уже их детям потребуются костюмы для школьного спектакля.

Чичи так и видела будущее – ох и невеселым же оно ей представлялось. Барбара съедет из родительского дома, а вместе с ней их ансамбль покинет ее высокое переливчатое сопрано. У Люсиль другие интересы, она решительно настроилась на курсы секретарей и работу в какой-нибудь конторе. Ее чистый альт украсит хор церкви Святого Иосифа, но и только. В этот вечер, когда сестра объявила о своей помолвке, мечтаниям Чичи о шоу-бизнесе подрубили крылья. Они так и останутся всего лишь воздушными замками. Если Чичи хочется сочинять песни, записывать их и исполнять с оркестром, ей придется полагаться лишь на себя и придумать новый план. И надо же, чтобы это случилось именно сейчас, когда она была уверена, что ничто не способно их остановить!

¹⁸ Джун Эллисон (1917–2006) – популярная в 1940-х американская певица и танцовщица.

- Не настраивайся против всех, Кьяра, – тихо сказал отец.
- Слишком поздно, папа.
- Твои сестры никуда не денутся. Вот увидишь.

Чичи хотелось в это верить, но она отлично знала, как устроен мир Си-Айла. Все знакомые девушки чем-то пожертвовали ради кольца с бриллиантом. Она поклялась себе, что никогда не станет одной из них.

3

Отпускная неделя по случаю Дня независимости

*Capriccio*¹⁹

Чичи и Рита отыскивали лоскуток чистого серого песка под утесом на пляже Си-Айла. Этим четверговым утром народ быстро заполнял побережье – продолжалась отпускная неделя по случаю Дня независимости, и люди целыми семьями плелись по берегу мимо девушек, выбирали свободное место и заявляли свои права, втыкая в песок и немедленно раскрывая пляжные зонты на длинных шестах.

По всему берегу под сенью таких зонтов происходило одно и то же: расстилались пляжные покрывала, водружались корзины для пикников, и пляжники удобно располагались в предвкушении целого дня, посвященного загоранию, плаванию в прибое и развлечениям на променаде. Девушки не помнили, когда еще на этой праздничной неделе выдавалась настолько великолепная погода. Дни упоительно медленно тянулись под сияющим солнцем, которое торчало посреди безоблачного неба, как начищенная латунная пуговица.

– Ну ты и загорела, Чичи! – подивилась Рита, втирая в ноги кокосовое масло.

– Это все купальник, – заверила ее подруга. У Чичи он был раздельный, из белого пике. Завязанная бантом сзади на шее бретелька лифа оттеняла своей белизной блестящую загорелую кожу на плечах и спине. – Все сойдет, как только вернемся на работу.

– Ох, не напоминай.

Рита была стройная, с очаровательной улыбкой на треугольном личике. Солнце высветило золотые пряди в ее коротко подстриженных темно-каштановых волосах.

– Осталось три дня, и все – назад, к машинкам, – сказала Чичи, тщательно втирая масло в ноги. – А знаешь, что я люблю в своей работе?

– Понятия не имею. – Рита улеглась на пляжное полотенце.

– Получку. А еще больше я люблю, когда на неделе была сдельная работа и добавляется еще пара долларов. Прямо дух захватывает от такого.

– А куда ты деваешь эти лишние деньги? Те, что не спустила на купальники?

– Коплю и затем покупаю облигации государственного займа.

От удивления Рита даже села.

– Ты о чем это?

– Об облигациях государственного займа. Не сберегательные облигации – хотя те тоже неплохие, – а именно *государственные*. Я начала их покупать с тех пор, как поступила на фабрику четыре года назад. Получаю три процента прибыли по высокому курсу и не ниже двух процентов по низкому.

– А откуда ты знаешь, как это делается? – спросила Рита.

– Как вкладывают деньги?

– Ага. Лично меня мой папа научил держать деньги под матрасом.

– Ну и все, что тебе это даст, – плохо выпишься. Никакой прибыли. Средневековое мировоззрение. Так мыслят только что приехавшие иммигранты. – Чичи втерла в ступни еще немного масла для загара. – Лучше положи деньги в банк. Если есть возможность, а рано или поздно она у меня будет, я бы также прикупила недвижимости. С видом на океан. Прямо сейчас лучшее место для лишних денег – это банк. Там они приносят прибыль.

¹⁹ Капричч(и)о, причудливо, капризно (*ит. муз.*).

- Моего папу напугал обвал рынка.
- Жаль. Вкладчику не стоит принимать капризы рынка инвестиций на свой счет, – поучительно сказала Чичи.
- Откуда ты это взяла?
- Из «Уолл-стрит джорнал». Я его читаю в библиотеке.
- Да ну!
- Угу. В день получки я иду домой, расписываюсь на чеке, проверяю баланс по чековой книжке, затем мы с папой идем в банк. Там я беру наличные на неделю.
- Я тоже так делаю.
- Откладываю деньги в конверт для родителей.
- Рита кивнула:
- И я.
- Проверяю свой счет. Я всегда сравниваю данные банка с моими подсчетами. Советуюсь с управляющим о состоянии рынка и текущих финансовых инструментах. А когда у меня накапливается достаточно денег, покупаю очередную облигацию государственного займа.
- Ничего себе! А я ничего из этого не делаю, – покачала головой Рита.
- Я могу тебя научить, – предложила Чичи.
- Нет, спасибо.
- Собираешься полагаться на Дэвида Озеллу? – съязвила Чичи.
- Пока что он мне даже не сделал предложения.
- Но сделает.
- Если сделает, я стану отдавать свои деньги ему. А что в этом такого? – пожала плечами Рита.
- Конечно, можешь отдавать ему свои деньги, но хорошо бы при этом знать, куда они деваются.
- А твоя-то мать знает, куда они деваются? – поинтересовалась Рита.
- Дома у нас не то чтобы валяются лишние деньги, – признала Чичи.
- Но вы с сестрами прилежные работницы.
- И Ма тоже. Ну да, мы справляемся. Но четыре женщины не способны заработать, сколько может один мужчина. И мы это понимаем, нетрудно ведь подсчитать. Иногда я думаю: как же так – я не знаю ни одного мужчины, способного успеть все, что удастся моей матери, – она готовит, убирает в доме, шьет на дому, и все это помимо работы на фабричном конвейере. Заботится о нас, о папе, о своих родителях. Просто делает свое дело. Жаль, что у нее не родилось хотя бы пары сыновей. Думаю, они бы послужили ей подмогой.
- Иногда сыновья только портят дело. Они женятся, жены уводят их из семьи, и после этого они вроде привидений, – посетовала Рита. – На мальчиков рассчитывать нельзя.
- Если бы моей матери довелось вырастить сыновей, уж на них-то можно было бы положиться. У нас очень сплоченная семья.
- Кстати, Джим Ламарка спрашивал, как у тебя дела.
- Как мило с его стороны.
- Рита резко села:
- Мило? Ты с ума сошла, что ли? Он же учится в колледже. И сам из себя высокий и ужасно красивый – по мне, настоящий шейх. И еще он богатый или будет богатым, когда унаследует семейное дело. Лучшей партии тебе не найти.
- А как насчет «ему не найти лучшей партии, чем я»? – сощурилась Чичи.
- Это само собой!
- А где он с тобой говорил?
- В павильоне. Он собирается в летнюю школу, чтобы заработать еще кредитов, так что здесь его не будет. Вернется на Рождество. Может, напишет тебе письмо.

– Буду дежурить у почтового ящика, как *bombolone*²⁰.

– А может, и стоит, – рассмеялась Рита. – Пойдем окунемся? Я вся горю.

– Ты переборщила с маслом и теперь поджариваешься, как *zeppole*²¹.

– В общем, я пошла купаться. – Рита поднялась на ноги, поправила купальник и двинулась к воде. Она медленно вошла в прибой и бросилась в пенистые волны. Чичи наблюдала, как подруга доплыла до пирса, где около защитной сетки патрулировал на водном велосипеде спасатель. Она открыла свою соломенную пляжную корзинку, достала маникюрный набор и стала подпиливать ногти.

– Да вы настоящая праздная барышня! – раздался рядом голос. Перед ней стоял, заслоняя солнце, какой-то молодой человек.

Чичи подняла голову:

– Мистер Армандонада!

– Вы позволите?

– Позволю что?

– Сесть рядом?

Чичи подвинулась на покрывале, освобождая для парня место.

Саверио уселся и оглядел ее с ног до головы.

– Вот так загар у вас!

– Он долго не продержится, – сказала Чичи, смахивая песок со ступни.

– Теперь всего лишь июль. Лета осталось еще много.

– Не для меня. На следующей неделе я возвращаюсь на работу.

– Куда?

– На блузочную фабрику. Тягомотина, но мы не жалуемся. Впрочем, откуда вам знать, каково это – стоять у конвейера.

– Вы так думаете? – Саверио взгляделся в океанский простор, где отдыхающие качались на волнах, как резиновые игрушки. Длинными мичиганскими зимами он мечтал о таком жарком лете. – Действительно, откуда мне знать о фабричной жизни?

– Вы ничего не теряете. Считайте, что вам повезло. – Отполировав каждый ноготок, Чичи собралась было вернуть маникюрный набор на место, но сначала взяла правую руку Саверио в свою. – Ваши ногти ужасно выглядят. Хотите, я приведу их в порядок? – предложила она.

– Давайте, – кивнул он.

Чичи достала пилочку и начала бережно подпиливать ногти Саверио.

– У вас красивые руки, – сказала она.

– У вас тоже.

– Тогда почему же вы глядите на океан? – кокетливо спросила она.

– Потому что все не могу на него наглядеться. Я вырос около Великих озер, и они потрясающие, но ничего сравнимого вот с этим.

– Вы впервые видите Атлантический океан?

– Нет. Мы исколесили Восточное побережье вдоль и поперек, и я любовался океаном везде, от Флориды до Мэна. Но никогда от него не устаю. Он всегда другой.

– А я только на побережье и жила.

– Тогда вам повезло.

– Летом тут здорово, но зима в прибрежном городе похожа на зиму везде.

– А какая здесь зима?

– Падает снег. Все серое, горизонта от воды не отличить. А солнце пропадает за тучами на целые месяцы. Если честно, на меня это наводит жуткую тоску.

²⁰ Вид пончика со сладкой начинкой (*um.*).

²¹ *Zeppole* (*ед. ч. – zeppola*) – другой вид пончика (*um.*).

– Озеро Гурон и озеро Мичиган зимой просто бушуют, волны высоченные.

– На озерах?

– Ага. Но они... не знаю, как их описать.

– Грандиозные?

Саверио широко улыбнулся:

– Именно! Грандиозные. А знаете, ведь вы умеете подбирать правильные слова.

– Ну да, ну да, – рассмеялась она.

– Я серьезно. Это признак прирожденного сочинителя. Во всяком случае, так считает Род Роккаразо. Ему то и дело предлагают песни для нашего ансамбля, и он говорит, что хороший песенник способен написать о девушке, которой никогда не встречал, в месте, в котором он никогда не был, в память о разбитом сердце, которое у него пока уцелело, но однажды наверняка тоже пострадает.

– Надо запомнить.

– Надо.

– Мне нравится писать об обычных, повседневных вещах, – сказала Чичи.

– Например?

– Любовь. Семья. Дом. Вещи, которых люди хотят, – ну, чего все хотят, собственно. Все хотят любви, когда ее у них нет. Все скучают по дому, когда они вдали от него.

– А я нет.

– Вы мужчина суровый, хоть мамочка и сопровождает вас везде, – ухмыльнулась Чичи.

– Должно быть, я вам нравлюсь, раз вы так язвите.

Чичи наклонила зонт, чтобы попасть в его тень.

– Да я просто вас поддразниваю. И вы мне действительно нравитесь. Но у вас есть девушка. Я об этом не забываю.

Саверио заполз под зонт, чтобы попасть в тень вместе с Чичи.

– В тот вечер... на днях, когда вы на нас набрели, вышло... неловко.

Он осторожно произнес последнее слово, как будто приноравливаясь к нему.

– Я везде совала свой нос, пытаюсь разыскать мистера Роккаразо, чтобы представиться ему от имени «Сестер Донателли». Вот в чем, среди прочего, выгода жизни на побережье. Здесь проезжает множество ансамблей, и каждый раз я стараюсь воспользоваться их присутствием.

– Чтобы пробиться в шоу-бизнес?

– Ну да.

– Значит, вы навидались разных ансамблей?

– О да. С некоторыми исполнителями даже познакомилась. У меня есть автограф Арти Шоу, например. Но это так, для развлечения. Обычно я стараюсь свести знакомство с администраторами. Итак... я побывала на выступлениях оркестров Уэйна Кинга, Гаса Арнхейма, Теда Блейда, Джека Хилтона и Джимми Гриера.

– Ух ты. Известные ансамбли.

– Ваш рядом с ними не проигрывает.

– А я просил вас сравнивать? – почти с возмущением сказал Саверио.

– Не просили, – признала Чичи. – Однако я еще не встречала мужчины, которому не хотелось бы стать лучшим. Все вы мечтаете выиграть, и неважно, в игру в стеклянные шарики или первое место в «Музыкальном хит-параде». Можете расслабиться. Вы достигли успеха.

– Благодарю. А где вы берете храбрость, чтобы просто так к ним подойти?

– А я хожу *перед* концертом. Если идти после концерта, то разговор уже не деловой, если вы понимаете, о чем я. Это я быстро усвоила. Слишком много поклонниц, и у гастролеров уже не музыка на уме.

– Просто мы тогда снимаем напряжение.

– Называйте как хотите. Во всяком случае, если в такой момент девушка подходит к руководителю ансамбля, это выглядит странно. Да, мой отец переживает, но я перестала ему рассказывать. И держу себя профессионально.

– Да уж, отваги вам не занимать.

– Когда очень сильно чего-то хочешь, находишь в себе храбрость. Или она сама откуда-то берется, можно и так посмотреть.

– Расскажите о ваших выступлениях.

– Мы с сестрами поем вместе. Начинали с пения в церковном хоре, во время мессы, а там уже нас стали приглашать петь на свадьбах, так что мы разработали стандартный репертуар. А теперь я сама пишу для нас песни.

– Вы все симпатичные, это помогает.

– Когда поёшь, на красоте дальше первой строчки не уедешь.

– На красоте можно и весь вечер продержаться, – авторитетно заявил Саверио.

– Не могу с вами согласиться. Первые десять секунд нужно хорошо выглядеть, а дальше надо хорошо звучать, иначе ты не заслуживаешь места на сцене. Вот у вас голос ого-го.

– Ну еще бы, при такой-то практике. Я ведь выступаю каждый день.

– Здорово, мне бы так! А мне все не удастся заставить сестер сосредоточиться. Я уверена, что мы бы добились успеха, если бы только они были повнимательнее.

– А почему они не хотят стараться?

– Наверное, мечтают о чем-то о другом.

– А сами вы почему хотите выступать?

– Я обожаю петь. И ровно так же обожаю сочинять песни.

– Мне бы хотелось однажды послушать вас с сестрами.

– Это можно устроить. Правда, мы не настолько искрометные, как «Смешливые Сестрички», и такими нам не стать, даже если покрыть нас золотом с головы до ног.

– А я уверен, что лично у вас вполне получилось бы, – игриво сказал Саверио.

– Вы меня не знаете.

– Но начинаю узнавать.

Чичи взмахнула пилочкой для ногтей, как волшебной палочкой.

– Ну и что же вы обо мне думаете? – спросила она.

– Вы забавная.

– О да, именно это любая девушка мечтает услышать от симпатичного парня, – состроила гримасу Чичи. – Первое в списке.

– Вы даже не представляете, какой это комплимент.

– Правда?

– Вы хорошенькая, но сами в это не верите, и я не стану терять полдня, переубеждая вас. Пусть это доносит до вас другой парень. Со временем сами поймете.

– Тогда мне уже будет все равно, – прыснула Чичи.

– Может быть. А мужчинам не все равно. Для мужчины идти под руку с хорошенькой девушкой – бесценно.

– Потому что тогда он сам хорошо смотрится.

Саверио кивнул:

– Ага. А может, это та же причина, по которой нас привлекает картина или скульптура. Мужчине приятно смотреть на красивую женщину. Мужчина ценит линии и формы – а это одновременно элемент искусства и проявление красоты.

– Не знала, что мужчины глядят на женщин, как смотрят на картины.

– Не поймите меня неправильно, чувства здесь тоже замешаны. Узнавая женщину ближе, начинаешь думать о том, что она может значить для тебя, и шанс решить эту загадку очень притягивает.

– А по мне, бред какой-то.

Саверио рассмеялся и убрал руку, которую она до сих пор держала.

– Эй, я еще не закончила! – Чичи снова взяла руку Саверио и внимательно изучила кутикулу. – Красавица она или нет, забавная или нет, но либо она тебе нравится, либо не нравится. И это может перейти в любовь, а может и не перейти. Если да, то решаешь, быть ей верным или нет. И на этом фундаменте ты либо строишь с ней совместную жизнь, либо не строишь. Но, как я погляжу, куда бы это ухаживание ни повернуло, девушка мало что выигрывает.

– Вы так считаете?

– Все мы в итоге оказываемся в одинаковом положении – служанок, прислуживающих королю. Мужчина в этой жизни может стать кем хочет, абсолютно кем угодно. Между местом, где он стоит, и мечтой у него только одно препятствие – он сам. Но если ты девушка, то между тобой и твоим счастьем всегда стоит мужчина – или же он тот человек, на кого падает ответственность за то, чтобы это счастье обеспечить.

– Любой мужчина хочет сделать счастливой свою женщину. Это дает ему цель в жизни.

– Ну да, но как же ее собственная цель? Где ее искать? Когда ты девушка, ты не можешь даже купить облигацию государственного займа, без того чтобы не требовалась подпись твоего отца или мужа. Вам не кажется, что это неправильно? Это ведь моя зарплата, деньги, которые я сама заработала и накопила, и тем не менее мне надо привести с собой отца, чтобы купить облигацию.

– Нет на свете справедливости, – сказал Саверио. – Но, возможно, это правило установлено, чтобы защитить вас.

– От чего?

– Может быть, если вы приходите с отцом, это значит, что еще одна пара глаз следит за вашими деньгами.

Чичи поразмыслила над его объяснением.

– Какая-то логика в этом есть, но только отчасти, – заключила она наконец.

– Нет-нет, это имеет смысл. Подумайте, – настаивал Саверио.

– Вы не понимаете. Идти по жизни, будучи девушкой, это как ехать в драндулете, собранном на коленке, который держится на веревочках, канцелярском клее и честном слове.

– То есть?

– Чтобы найти счастье, нам должно повезти. Никто не болеет за победу девушки. Уж я-то знаю, я средняя из трех сестер. Взять, например, моих теток. Они вышли за хороших ребят, у тех дела пошли в гору, и когда оказалось, что мужья хорошо с ними обращаются, тетушки просто вздохнули с облегчением. А облегчение – сестра везения. Но, с другой стороны, одна моя кузина вышла за парня, который ее бьет, и ей приходится сносить побои, потому что идти больше некуда. Ее родные говорят, что как постелешь, так и поспишь, но она же понятия не имела, что найдет в той постели, когда ее стелила. Не повезло, и все тут.

– Всякое может случиться.

– И случается. Мой папа потерял работу, и маме, у которой и без того дел невпроворот, пришлось поступить на фабрику и работать вместе с Барбарой, Люсиль и мной, чтобы свести концы с концами. Женщины всегда приходят на выручку, когда возникают проблемы, и сами все решают. Так в каждой семье, в том числе моей. Я это вижу постоянно. Может быть, именно поэтому я так хочу петь. Мне кажется, у меня есть талант, и в таком случае почему бы мне не провести жизнь, делая то, что мне нравится, вместо того чтобы смириться и принять одно за другим несколько решений, которые могли бы – *могли бы* – обернуться добром, если только мне повезет выбрать порядочного парня, который станет хорошо со мной обращаться? Я не желаю строить свое будущее счастье на какой-то там удаче. Играй я в азартные игры, на таких условиях не рискнула бы своими деньгами.

– Ужасно мрачно.

– А вы же говорили, что я забавная! – воскликнула Чичи с шутливым возмущением.

– Беру свои слова обратно. Вы напоминаете мне Маргарет Сэнгер²² на радио. У меня сейчас голова расколется.

– Сейчас не до шуток, друг мой, – с напускной серьезностью заявила Чичи. – Времени у нас мало, а я хочу вам поведать все, что меня тяготит.

– Вот повезло мне. А почему это?

– У нас схожие взгляды.

– Да, не правда ли? – согласился Саверио. – Но солнце стоит высоко в небе, и мы сидим на пляже. Может, будем просто развлекаться?

Чичи рассмеялась.

– Я думала, именно этим мы и занимаемся!

Саверио уже какое-то время не мог оторвать глаз от рта Чичи. Он глядел на ее губы, и ему казалось, что он ощущает их вкус. Было в этой девушке нечто особенное, нечто неожиданное и притягательное. Мало того, что красивая и умная, но еще и с чувством юмора. Все вместе эти три качества очень редко встречались в одном человеке, а уж в женщине – и подавно. Чем больше она говорила, тем интереснее было ее слушать. Саверио хотелось ее поцеловать, но он вспомнил обстоятельства их первой встречи, тот неловкий момент, когда она застигла его в объятиях другой. Ужасно жаль, что она видела его с Глэдис Овербай. Он подумал, что Чичи, наверное, читает его мысли, потому что она вдруг немного отодвинулась. Яркое солнце освещало ее всю – безупречные ноги, плавные изгибы тела и гладкие, будто отлитые из золота плечи.

– А вы когда-нибудь были на скачках? – спросил он, придвигаясь к ней поближе.

– Не-а.

И пахло от нее приятно. От ее волос веяло кокосом и ванилью.

– А я видел, как Эдди Аркаро победил в Кентуккийском дерби. Он ведь один из нас.

– То есть тщедушный?

Саверио рассмеялся.

– Итальянец, глупышка. Его называют Эдди-молодец.

– Голова еще болит?

– Ага.

– Тогда, вероятно, это не из-за меня и моей болтовни. Может, она болит из-за жары. Или вы просто голодны.

– Пойдемте пообедаем вместе? – предложил он. – Я знаю тут одно место.

Чичи продолжала полировать его ногти.

– А где мисс Овербай?

– Занимается стиркой. Первое, что она делает в любом городе, где мы выступаем, это разыскивает прачечную самообслуживания. А потом отправляется в салон красоты.

– Умная девушка, – присвистнула Чичи. – И роскошная красавица, прямо царица Савская.

– А у вас есть парень? – застенчиво спросил он.

– Несколько.

Саверио рассмеялся.

– Высокомерно прозвучало, да? – расхохоталась вслед за ним Чичи. – Ну, у меня сейчас неделя отпуска, а свою скромность я оставила на кетлевочной машине в «Джерси Мисс Фэшнз».

²² *Маргарет Сэнгер* (1879–1966) – американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью». Часто выступала в церквях, женских клубах, театрах и на радио.

– Значит, парни выстраиваются к вам в очередь?

– Я бы скорее сказала, быстро сменяются. Но, между нами, ни одного я не рассматриваю всерьез. Они ужасно многого от меня хотят, а предлагают маловато.

– И что же они предлагают?

– Если бы мне хотелось стать женой лучшего портного Брилля или женой мясника из Манаскана, наследника лавки, или женой мужчины, который четвертый в очереди на наследство человека, управляющего в Пассаике крупнейшей компанией грузоперевозок во всем Джерси, то все в моих руках, и в них вот-вот свалится жемчужное ожерелье с алмазной застежкой.

– Похоже на то!

– Но это не то, что нужно мне.

– А чего же вы хотите?

– Вот у вас, например, та жизнь, которой хочу я, – откровенно сказала Чичи. – Я мечтаю заниматься музыкой и только музыкой.

– А я бы не отказался от вашей жизни, – признался Саверио. – Может, махнемся?

– Ну да, рассказывайте. – Чичи придирчиво изучила его ногти.

– Я хочу жить у океана вместе с семьей, – добавил Саверио.

Чичи посмотрела на него.

– Да вы это серьезно, похоже! – удивилась она.

– Хочу узнать, как это – когда просыпаешься счастливым.

– А вы не просыпаетесь счастливым?

– Я просыпаюсь растерянным.

– Ясно.

– Печально, правда? – Саверио посмотрел на свои ногти, которые теперь были ровно подпилены, красиво закруглены и отполированы до блеска. – Отличная работа. Спасибо. Такие руки уже не стыдно носить с нарядной рубашкой и запонками.

– Я еще не закончила. – Чичи бережно взяла в ладони правую руку Саверио, выдавила из тюбика немного кокосового масла и вмассировала в кисть молодого человека. – Это защищает кутикулу, – пояснила она.

Он почувствовал, как прикосновение теплой руки Чичи помогает ему расслабиться, и прикрыл глаза, а она продолжала втирать масло в кожу.

– Эй, чем это вы занимаетесь? – Под зонт просунулась Рита. С нее стекала вода, и несколько капелек упали на Чичи, заставив ее вздрогнуть.

– Твое полотенце прямо позади меня, – сказала Чичи.

– Спасибо, Чич. – Рита схватила полотенце.

– Так вот как вас называют друзья? – удивился Саверио.

– Мы, кажется, не были официально представлены? – улыбнулась Рита, промокая волосы полотенцем. – Я Рита Мильнишки. Или Милликс, если верить надписи на воротах папиного авторемонта. Ему изменили фамилию на острове Эллис.

– Мы ведь встречались в отеле «Кронеккер», – вспомнил Саверио. – Не так ли?

– Да, мы к вам тогда вломились, – признала Рита. – Просто случайно так вышло.

– А, так это были вы? Вторая девушка, вместе с вон той, – усмехнулся Саверио.

– Это Саверио Армандонада, – представила его Чичи. – Его фамилию на острове Эллис не меняли.

– Я догадалась. Здорово вы выступали, – сказала Рита. – Как им удастся втиснуть ваше имя на афиши?

– Пока даже не пытались.

– А как вы нас нашли? – Рита уселась на покрывало рядом с ним.

– Да вот шел по пляжу и увидел Чичи.

- То есть вы ее не искали специально?
- Господи, Рита, да отстань от человека, – пожурела ее Чичи.
- Я всегда в поиске, – ухмыльнулся Саверио.

Порядки на кухне Изотты были сродни армейским. Дочерей она научила готовить простые блюда еще прежде, чем те начали читать. Огород при доме был и поводом для гордости, и серьезным подспорьем для семьи. Сейчас на вделанной в оконную нишу полке стояли полные корзины собранных не далее как утром салата-латука, огурцов, помидоров и перцев. Теплый ветерок трепал короткие кухонные занавески, а в воздухе витали запахи свежего сливочного масла, чеснока и томатов, томившихся в сковороде на плите.

Помидоры начали созревать лишь недавно. Изотта собирала их и использовала либо в свежих соусах для макарон, либо в салатах с пряными травами и моцареллой. В конце каждого лета семейство в полном составе помогало ей консервировать томаты, чтобы хватило на всю зиму.

Изотта сняла с конфорки кастрюлю с макаронами, отнесла ее к кухонной раковине и процедила макароны через дуршлаг. Встряхнув дуршлаг пару раз, она вывалила макароны в большую миску, вмешала туда чашку рикотты, залила все горячим томатным соусом только с плиты и в завершение посыпала тертым пармезаном и свежим базиликом.

Длинный дощатый стол на заднем дворе семейства Донателли был накрыт к обеду. Сестры принесли свежую скатерть и салфетки, а в центре поставили в качестве украшения терракотовый горшок с душистой розовой геранью. Появилась Изотта с миской макарон. Барбара добавила тарелку и приборы для Саверио. Он отошел в сторонку, пока Барбара устраивала для него место за столом.

- Я не хотел причинять вам неудобства, – сказал он.
- Что вы, мы всегда рады неожиданным гостям, – улыбнулась Изотта, ставя на стол миску.
- Я же говорила, – подмигнула ему Чичи, проходя мимо него на кухню.

Саверио уселся за стол, наблюдая, как семейство Донателли общими усилиями несет блюдо за блюдом. Вот такой он и представлял себе счастливую семейную жизнь: полный стол, накрытый на много мест, ломящийся от тарелок с вкусной едой, все помогают друг другу и смеются вместе в саду чудесным солнечным летним днем. Даже глава семьи мистер Донателли участвовал в этом действе, чего в родительском доме Саверио сроду не случалось. Мужчины неизменно ждали, пока женщины подадут им пищу.

- А где сегодня ваша мать? – спросил у Саверио Мариано.
- Кузины повезли ее прокатиться в Спринг-лейк. Мама любит глядеть на дома.
- Самое место для такой прогулки, – согласился Мариано.

Из кухни вышла Чичи с кувшином домашнего вина. Следом шли ее сестры, неся хлеб и салат.

– Я делаю вино здесь, в Нью-Джерси, – сообщил Мариано, – но виноград использую калифорнийский.

– Незадолго до Дня труда²³ сюда приезжает грузовик из Мендосино²⁴, доверху нагруженный ящиками винограда. Папа выбирает крепкие гроздья с хорошей окраской, – пояснила Чичи, поднося отцу бокалы, и тот разлил вино.

– И еще я доверяю своему нюху. Аромат в винограде – очень важная вещь. – Мариано многозначительно постучал по носу.

– Я всегда добавляю в соус папино вино, – призналась Изотта, подавая Саверио макароны.

²³ День труда – в США национальный праздник, который отмечается в первый понедельник сентября.

²⁴ Мендосино – округ в Калифорнии.

– Когда приезжает грузовик с виноградом, все итальянцы нашего города собираются вокруг него и дерутся за лучшие гроздья. – Чичи передала Саверио мисочку с хлопьями жгучего красного перца.

– И я всегда выхожу победителем! – торжествуя ударил кулаком по столу Мариано.

– У папы глаз-алмаз, – гордо сказала Чичи.

– И еще мускулы, – пошутила Люсиль.

– Что есть, то есть, – рассмеялся Мариано.

– И вот этими самыми мускулами папа давит достаточно винограда, чтобы столового вина нам хватило на год.

– И еще он делает уксус и граппу, – добавила Люсиль.

– Мы ничего не выбрасываем зря, – весело заключил Мариано. – Ни черешка.

Люсиль обошла стол с корзинкой, раздавая теплые булочки с хрустящей корочкой. Барбара несла следом за ней блюдо креветок-гриль, обернутых вокруг нежных побегов спаржи. Она бережно положила по одной на каждую тарелку рядом с макаронами.

Изотта села во главе стола, напротив мужа.

– Надеюсь, вам понравится, – обратилась она к Саверио.

– Выглядит потрясающе. Я всегда рад домашней еде. Благодарю за приглашение к столу.

– Надеюсь, мы не отвлекли вас от чего-то важного.

– Вовсе нет. Каждый день я просто жду, чтобы солнце закатилось и я мог начать работать.

Мариано оглядел стол.

– Прежде чем поднять бокалы за нашего гостя, – сказал он, – помолимся.

Саверио и все Донателли одновременно перекрестились, перекрестили накрытый стол, помолились и снова перекрестились. Саверио неспешно перекрестился в конце, затем разложил на коленях салфетку.

– Да ты молишься подольше иного священника, – прошептала ему на ухо Чичи.

Мариано поднял бокал:

– Выпьем за Саверио. Пусть каждый вечер он поет допоздна, везде принося радость своим слушателям. *Cent'Anni*²⁵. Надеюсь, вы приятно проведете оставшееся время в Си-Айл-Сити.

– Отличное вино, сэр, – сказал Саверио, отпив из бокала. Крепкое и терпкое вино напомнило ему о том, которое делал дома его собственный отец.

Чичи передала гостю соусник. Тот полил свои макароны соусом и с удовольствием принялся за еду. Он был худым, не потому что хотел хорошо смотреться на фотографиях, просто изголодался по домашним макаронам. Чичи стало его жалко. Саверио явно нуждался в ком-то, кто станет о нем заботиться. Она посмотрела на свою мать. Та наблюдала за поглощавшим макароны молодым человеком. Женщины семьи Донателли забеспокоились, хватит ли у них на кухне еды, чтобы накормить его досыта.

Расположенная в семейном гараже Донателли «Студия Д» была несложно организована, однако Мариано не поспешил на лучшее оборудование для звукозаписи. Было ясно, что он занялся этим с целью рано или поздно заработать. Сестры Донателли встали кружком у проигрывателя, а Саверио уселся за пульт управления рядом с Мариано, который совмещал должности звукорежиссера и художественного руководителя ансамбля.

Окошки на двери бежевого гаража, построенного из шлакобетонных блоков, были закрыты обтянутыми черным бархатом фанерками. Цементный пол чисто подметен, и хотя принадлежавший семье старый грузовик уже много лет не стоял в гараже, в воздухе все еще витал слабый запах машинного масла.

²⁵ Пожелание здоровья и долгой жизни, буквально означающее «сто лет» (ит.).

Саверио внимательно слушал избитую *Oh Marie* в исполнении сестер. Положив руки на пульт, он наклонился вперед, прикрыв глаза и прислушиваясь к мелодии. Грампластинка «Сестер Донателли» на 78 оборотов выглядела элегантно – обложка в стиле ар-деко, внутри черный шеллаковый диск с серебристой наклейкой.

Мариано следил за тем, как пластинка плавно кружилась на бархатной вертушке. Тонкая золотая игла следовала по бороздкам, а из колонок, прилаженных на свисавшей с потолка трубе, лился глубокий звук. По мере проигрывания песни Мариано регулировал звук, осторожно поворачивая ручки настройки, – тут делал басы поглубже, там модулировал верхние частоты.

Вдобавок к пульта Мариано оснастил гараж звукоизолированной кабиной для записи. Эта несложная конструкция – комнатка с фанерными стенами, обитой войлоком дверью и большим стеклянным окном – занимала добрую половину гаража.

Окно выходило на пульт, где Мариано установил двухкатушечную систему звукозаписи. В кабине стояло пианино, с потолка свисал микрофон с выдвижной подставкой, и оставалось еще немного места для небольшого аккомпанирующего джазового ансамбля.

Сестры Донателли предпочитали записывать свои песни осенью, поскольку весной и летом в кабине звукозаписи становилось невыносимо жарко, а зимой – слишком холодно. Но на этот раз Чичи было все равно, какое нынче время года, – здесь был Саверио, профессиональный певец, и нечасто случалось, чтобы солист гастролирующего оркестра согласился посетить «Студию Д», да еще и поучаствовал в записи песни незнакомого автора по имени «Ч. Ч. Донателли».

Саверио повернулся к Мариано:

– И вы записали это здесь? Вокал, инструментальное сопровождение, регулирование уровней, сведение – все?

– Да, прямо здесь, – заверил его Мариано. – Я записываю звук на ленту, потом отвожу в Ньюарк, в «Магеннис», и они нарезают нам пластинку.

– Масштабно! – Похоже, Саверио был по-настоящему впечатлен.

– Да нынче у всех в гаражах студии звукозаписи, – сказал Мариано.

– Не такие, как твоя, папа, – возразила Чичи.

– Просто у меня неплохие микрофоны, и еще я придумал, как звукоизолировать кабину.

– А как вам это удалось? – поинтересовался Саверио.

– Мне пришло в голову подметать пол на блузочной фабрике – около конвейера и в раскройном цехе, после работы там валяются никому не нужные лоскутки и остатки ниток. Так вот, оказалось, что каждый вечер набиралось довольно много этого добра. Я всё подбирал, относил домой, а Изотта набивала этими отходами полотняные мешочки, она их скроила из старых торб для муки. Потом я заполнил мешочками пространство между внутренней и внешней стеной, дюймов на шесть. Это сработало.

– Хочешь, запишем что-нибудь? Так, для смеха? – спросила Чичи у Саверио. – Что-нибудь симпатичное, где ты сможешь солировать?

– У меня нет с собой нот.

– Ноты не понадобятся.

– Ты предлагаешь мне спеть *a cappella*?

– Нет, я могу аккомпанировать тебе на пианино. Я написала одну песню...

– Ну все, начинается, – тихо сказала Люсиль на ухо Барбаре. – Он попался в ее сети.

– Ты ведь умеешь читать ноты? – уточнила Чичи.

– Ага.

– Тогда давай попробуем. – Чичи протянула Саверио ноты, аккуратно записанные от руки. – Будет весело, вот увидишь.

Она втянула Саверио в кабину вслед за собой, закрыла дверь и уселась за пианино.

- А ты умеешь играть?
- Ну, я сюда уселась, не потому что хорошо смотрюсь на этом табурете.
- Но ты действительно хорошомотришься.
- Это неважно. Итак... – Чичи открыла ноты.
- Саверио наклонился поближе:
- Что это?
- Песня.
- Кто-нибудь ее записывал?
- Никто. Пока что.
- Ее написала ты?
- Не можем же мы исполнять исключительно избитый репертуар.
- Действительно, никакого смысла, – усмехнулся Саверио. – Я-то просто зарабатываю

этим на жизнь.

- Чичи сыграла на пианино мелодию. В ней ощущался свинговый ритм.
- Как тебе? Она называется «Скалка моей мамы».
- Шуточная, значит.
- Юмореска, – поправила Чичи.
- Скажите пожалуйста!
- Это похожий жанр! И вообще, автор сидит перед тобой, так что не издевайся.
- В шоу-бизнесе нет места для ранимых сочинителей, – ухмыльнулся он.
- Она рассмеялась:
- Что ж, тогда я буду первой такой!
- Ну уж нет, второй – после меня.

Снаружи кабины Мариано слушал, как Саверио и Чичи перешучивались и поддразнивали друг друга. Барбара листала газету «Берген Каунти рекорд», а Люсиль за спиной отца расставляла в алфавитном порядке коробки с катушками пленки.

- Папа, она что-то задумала, – сказала Люсиль.
- Я за ней приглядываю. Просто она целеустремленная, в этом нет ничего плохого.
- Оппортунистка она, – поправила его Барбара, не отрывая глаз от газеты.
- Она умная, – возразил Мариано. – И в этом тоже нет ничего плохого. Связи в наши дни значат все.
- Это он за обед расплачивается, – сухо проронила Люсиль. – С процентами.
- Ну, я бы не был так уверен, – усмехнулся Мариано.

В кабине Чичи негромко наигрывала мелодию.

- Так, ты поешь за мужа, – скомандовала она, указывая на ноты.
- А ты за жену?
- Согласись, так будет разумно.
- Не язви, – попенял ей Саверио. – Играй давай.

Чичи опустила руки на клавиши пианино и подала Саверио знак.

«Жена» спела:

*Будь верным мне, не то дам по башке
Скалкой моей мамы.*

«Муж» ответил:

*Я верен жене, иль достанется мне
Скалкой ее мамыши.*

– Так, а теперь припев, – пояснила Чичи.
– Я понял, – сказал Саверио.

«Жена»:

Мой инструмент...

«Муж»:

Ее инструмент...

«Жена»:

Его инструмент...

Вместе:

*Наш инструмент —
Скалка моей мамыши.*

«Жена»:

На венчании в церкви была красота.

«Муж»:

У ней на пальце брильянт, на макушке – фата.

«Жена»:

Поп говорит: «Так да или нет?»

Вместе:

*«Да!», «О да!» – был наш общий ответ
Скалке моей мамыши.*

«Муж» и «жена» спели вместе:

*Хочешь верной и вечной любви —
Делай как мы, никуда не смотри,
Муж и жена – одна сатана,
Если супруга вооружена
Скалкой своей мамыши.*

Чичи обернулась к окну кабины и посмотрела на отца.

– Папа, ну как?

Прежде чем отец успел ответить, вмешался Саверио:

– Барбара, Люсиль, идите сюда, поможете нам.

– Но ведь это дуэт, – возразила Чичи.

– Прозвучит эффектнее, если они поучаствуют в припеве. Так, как будто все три девушки на меня набрасываются. В музыкальном смысле, конечно.

– Хорошо, давай попробуем, – пожала плечами Чичи.

Люсиль и Барбара присоединились к ним в кабине. Саверио объяснил им, когда вступать, и задал ритм вместе с Чичи.

Девушки репетировали под руководством Саверио, а Мариано откинулся на спинку стула, сцепил пальцы на затылке и наблюдал за ними.

– Мы готовы, мистер Донателли, – объявил наконец Саверио. – Давайте записывать.

– Дубль первый. «Скалка моей мамаше», – объявил Мариано в микрофон на пульте записи. Он установил бобины с лентой в правильном положении и нажал на кнопку.

Глядя, как Саверио поет в кабине вместе с сестрами, Мариано дивился тому, как легко у них это получается, не забывая, однако, следить за звуком и время от времени поправлять движки на пульте. Исполнители то останавливались, то начинали снова, добиваясь лучшего сочетания своих голосов, и так постепенно рождалась песня. Третий, четвертый и пятый дубль записали уже без остановок. В каждом последующем варианте было все больше самобытности, все веселее становился вокал и все выразительнее – смысл.

Мариано был доволен. Он даже позволил себе удовлетворенный смешок – так ликует старатель, различивший крупницы золота на дне жестяного лотка, или нефтяник, увидевший, что это за черная лужа расплывается и вот-вот забьет фонтаном у него под ногами среди голого поля, или ученый, смешавший две жидкости в пробирке эксперимента ради и, к собственному удивлению, получивший спасительную сыворотку.

Мариано мог различить вдали будущее, триумфальный завершающий аккорд всех их усилий. Что с того, что соседи сочли его *stunod*²⁶, когда он превратил свой вполне приличный гараж в студию звукозаписи? Его жене не понравилось, что грузовик теперь припаркован на улице, но он велел ей не мелочиться. Скептики нудили: «Да чего ты добьешься своими записями?» Даже приходской священник решил, что это какая-то афера. Слышали бы они эту запись! Он нашел зацепку, различил путь к победе: три хорошенькие поющие девушки, а на их фоне – красавец-солист, и все они исполняют песню о любви и замужестве.

Он знал, какое-то шестое чувство подсказывало ему, что в разгар Великой депрессии именно юмористическая песня прольется бальзамом на души слушателей. А если эта песня к тому же окажется близкой к личному опыту иммигрантов – в данном случае речь шла об ита-льянцах, но ведь и евреи, поляки, греки, ирландцы, жившие по всему побережью, в городках и городах вдоль железной дороги, тоже поймут, о чем там речь, так как суть песни соответствовала также и традиционным взглядам их собственной культуры, – тогда песня непременно станет хитом. И при заразительно бодрой мелодии широкая популярность была ей обеспечена.

Да и звук был определенно хорош. Стройные голоса сестер обрамляли сильный вокал Саверио. Мариано уже воображал их будущий успех. Ведь достаточно одной песни, чтобы ансамбль скакнул из неизвестности в славу. Стоило лишь заглянуть в окно звуконепроницаемой кабины, чтобы это понять. Помолвочные кольца, мечты Люсиль о курсах для секретарей, профсоюзные билеты заведомо проигрывали перед подобным волшебством. Сестры Донателли и этот мальчишка, Саверио, были на прямом пути к успеху.

²⁶ Чокнутый, рехнувшийся (искаж. ит.).

Саверио вернул Люсиль пустую бутылку из-под газировки. Чичи придержала перед ним дверь гаража.

– Еще одну, на посошок?

– Нет, Люсиль, спасибо. Мне пора возвращаться в гостиницу.

– Не позволяй Чичи себя обрабатывать, – сказала она ему, уходя на задний двор.

– Она играет не по правилам, – добавила Барбара, следуя за Люсиль.

– Не слушай моих сестер, у них совершенно отсутствует деловая хватка, когда речь о шоу-бизнесе. – Чичи побежала вперед и отворила калитку на улицу.

– Ты что, каждую дверь передо мной собираешься открывать, отсюда до самой гостиницы?

– Ты был так щедр! Я бы подвезла тебя на папином грузовике, но это небезопасно, он то и дело ломается. А автомобиля у нас нет.

– У меня его тоже нет. А если бы у тебя был автомобиль, то какой бы ты выбрала?

– «Паккард».

– А почему?

– Потому что, куда ни кинь, все ездят на «фордах».

– И только поэтому?

– Ну и еще я считаю, что «паккард» – просто произведение искусства.

Саверио порылся в карманах.

– Вот. – Он достал пакетик из оберточной бумаги, открыл его и протянул Чичи скапулярий²⁷ Божьей Матери, висевший на шелковом шнурке.

– Какая прелесть. Это от твоей мамы?

– Нет, от меня.

– Очень любезно.

– Он освященный. Просто у той монахини закончились медальоны.

– Ты делал покупки в монастыре?

– Она ходила по гостинице.

– Видимо, пыталась поощрять хорошее поведение. А с какой стати ты мне что-то даришь? Если уж на то пошло, это следовало бы сделать мне. – Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Спасибо.

Саверио заметил, что волосы Чичи пахнут ванилью: свежий аромат, как легкое летнее пирожное.

– Это все, что у меня нашлось для тебя, – сказал он. – На память об этой неделе. Я и маме купил такой же.

– Ну, конечно. Как добрый католик, небось еще парочку припрятал в том пакетике. Ты их раздавай, раздавай.

Саверио рассмеялся.

– Ты меня раскусила. Я и правда купил несколько, но не все, у монашки еще остались.

Чичи тоже рассмеялась:

– Ну разумеется!

– Мама говорит, ты спасла одному мальчику жизнь, – сказал Саверио.

– Да ну, – пожала она плечами, – спасатель быстро приплыл на помощь.

– А мне рассказывали другое. Будто ты первой за ним бросилась и сама его нашла. Признай же свою заслугу, – настаивал Саверио.

– Я средний ребенок, я к такому не привыкла.

– А я единственный ребенок, так что приходится.

²⁷ Скапулярий – здесь: у католиков сакраменталия в форме двух кусочков ткани с соответствующими надписями и изображениями, соединенных ленточкой или веревочкой; предназначен для нательного ношения.

Чичи ухмыльнулась:

– Обычно на меня всё валят, а не хвалят.

– А на мою долю выпадало и то и другое.

– Повезло.

– Девушки не любят признавать свои заслуги.

– Мы делаем то же, что и наши матери, – грустно улыбнулась Чичи, надевая на шею скапулярий.

– А к отцам и сыновьям это тоже относится? – спросил Саверио.

– Понятия не имею. У моего папы одни дочери.

– А мне всегда хотелось сестру или брата.

– Если бы они у тебя были, ты бы считал иначе. Ты бы от них на стенку лез.

– Не думаю.

– То, что мы себе представляем, всегда лучше того, что нам дается, – назидательно сказала Чичи.

– Ты ужасно умная.

– Да не особо, просто наблюдательная.

– Тебе понравилась моя мама?

– Она очень милая. А ведь венецианцев в наших краях не так уж много. Моя мама тоже венецианка.

– Да ну! – Саверио пора было возвращаться в гостиницу, но ему не хотелось уходить.

– Мой отец говорит, что невозможно победить в споре с венецианцами, – сообщила Чичи.

– Это он моего отца не знает, – покачал головой Саверио.

– А где он?

– В Мичигане. Он никогда не ездит в отпуск.

– А почему?

– Это ты у него спроси.

– А ты с ним не общаешься?

Саверио пожал плечами:

– Не особо.

– Позволь я угадаю. Ему не нравится, что сын у него певец. Он бы предпочел более традиционное занятие для своего отпрыска.

– Что-то вроде того.

– А ты не можешь заставить его изменить отношение?

– Нет.

– А хочешь?

– Мало ли чего я хочу.

– Поняла.

– Пожалуй, ты и правда поняла. – Саверио посмотрел на Чичи, затем на часы: – Жаль, у нас нет больше времени.

– Я слишком много болтаю.

– Мне это нравится.

Чичи не знала, что ответить, а ведь обычно она за словом в карман не лезла. Саверио скрестил руки на груди.

– Я встречаюсь со множеством девушек.

– И что?

– Просто подумал, что тебе лучше об этом знать.

– Мне написать об этом репортаж в «Си-Айл экспресс»?

– Нет, просто прими к сведению.

– Я тебя не осуждаю. Ну да, ты встречаешься со множеством девушек. Это просто значит, что единственная девушка, которая и правда что-то для тебя значила, разбила тебе сердце.

Саверио удивился, откуда Чичи это знает, но правды признавать не собирался и потому солгал:

– Да нет.

– Как скажешь. Никому не нравится страдать. Никто не просит, чтобы ему разбили сердце, это просто происходит, и все. Но есть и положительная сторона: благодаря таким случаям авторам есть о чем сочинять песни, а певцам – петь.

– Чего ты хочешь?

– В каком смысле?

– В жизни. Чего ты хочешь от жизни?

Чичи глубоко вдохнула. Ей понадобилось время, чтобы признать, в чем состоит ее заветная мечта.

– Я хочу петь.

– Это работа. А я имел в виду, чего ты хочешь для всей своей оставшейся жизни. Ну, когда ты вырастешь и станешь принимать жизнь всерьез.

– Хочу петь и сочинять песни.

– Девушки не особо успешны в шоу-бизнесе.

– Кто это сказал? – Чичи подбоченилась.

– Я говорю.

– Извини, конечно, но много ли ты видел, как девушки работают в шоу-бизнесе, если сам просто волочишься за ними?

– Ты права, не много, – рассмеялся он.

– Так что – не исключено – иная девушка вполне может быть счастлива в шоу-бизнесе.

По мне, если тебе нравится то, чем занимаешься, это и есть счастье.

– Но как же домашняя жизнь?

– Я ни о чем не думаю, кроме пения, – призналась она.

– А надо бы подумать и о другом.

– Потому что я девушка?

– Нет, потому что, кем бы ты ни был, пение – это еще не все.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я в этом убеждаюсь на собственной шкуре.

– Я хочу гастролировать из города в город и каждую ночь петь в новом клубе и перед новыми зрителями.

– Тебе это надоест.

– Никогда!

– Когда постоянно переезжаешь, то только и мечтаешь, как бы остаться на одном месте.

Иметь где-то собственный дом и очаг.

– Возможно, если бы ты время от времени навещал свой дом, путешествия нравились бы тебе больше, – предположила Чичи.

– Возможно. Но и тебя эти переезды недолго будут радовать.

– Откуда ты знаешь?

– Ты выросла в счастливой семье. Зачем же уезжать от нее?

– Потому что это у меня уже было.

– И поэтому ты хочешь попробовать, каково быть одинокой и несчастной?

– У меня собственные планы. Я не хочу того, что есть у всех прочих. Никогда не хотела и никогда не захочу.

– Ты не думаешь о собственном доме, окнах, кухоньке, крылечке? Саде? А вдруг ты влюбишься?

– Ну и что?

– А то, что когда люди влюбляются, они женятся, создают семейный очаг и воспитывают детей.

– Кто это сказал?

– Да все подряд, начиная с текста любой песни от начала времен. Тебе ли не знать, ты ведь сама их пишешь. В них всегда говорится о любви, даже тогда, когда они вроде бы не о любви, – настаивал Саверио.

– Возможно.

Тут Саверио осенило.

– Я думаю, ты просто притворяешься. Это такая поза.

– Поза – это когда стоишь в ателье у фотографа. А у меня вовсе не поза, – заверила его Чичи.

– Ну а если ты вдруг встретишь парня и передумаешь? Не мясника, портного или грузо-перевозчика, не обычного неудачника из Джерси, а кого-то другого, и ты полюбишь его больше, чем шоу-бизнес?

Чичи отрицательно покачала головой:

– Не будет такого никогда. Когда я закрываю глаза, я не вижу ничего подобного. Зато я вижу оркестр. Слышу музыку. Вот ребята на подиуме встают в своих фраках и белых галстуках и поднимают ввысь свои духовые и дуют в них, и я не хочу быть нигде на свете, только там. Я хочу стоять там, на сцене. Я хочу принести туда песню – именно тогда, в то мгновение, спеть ее своим голосом. То, что исходит от них, и то, что исходит от меня, – это и есть творчество. Звук. Музыка. Переживания. И нет никакого парня, вида из окна, климата, ни-че-го такого, даже громадного изумруда, рубина или бриллианта (и я серьезно), пусть даже в лучшей в мире золотой оправе, – нет ничего на свете, что значило бы для меня больше, чем возможность спеть ту песню.

– Но все это – лишь пара часов каждый вечер. – Саверио пнул ботинком камешек, и тот запрыгал по припорошенной песком улице. – Оркестр играет, чтобы влюбленные пары танцевали.

– Но это достойный заработок. – Чичи произнесла «заработок» как нечто священное.

– Да, он вполне может быть достойным, – признал Саверио.

– Именно этим я и хочу зарабатывать на жизнь. Я люблю свою семью, но не хочу создавать собственной. Мне просто нравится сочинять музыку.

– Хорошо, хорошо, сдаюсь.

– Отлично, потому что переубедить меня тебе не удастся.

Саверио был вынужден признать: ему нравилась эта девушка. Со своей прямоотой и честностью она не походила ни на одну из знакомых ему молодых женщин. С ней можно было разговаривать, совсем позабыв о времени. Он не знал, что и думать. Когда она рассказывала, о какой жизни мечтает, то начинала светиться изнутри, как будто в ее сердце что-то зажигалось. А еще она была хорошенькая. Ему хотелось ее поцеловать, но он не знал, как попросить у нее разрешения.

– Я не хочу, чтобы ты меня целовал, – сказала Чичи.

– Не хочешь? – «Да она читает мои мысли», – подумал Саверио. Ясновидящая, как та цыганка, которая путешествовала с оркестром, когда они играли на деревенских ярмарках, и раскладывала там свой шатер с хрустальным шаром.

– Не-а. Так что можешь даже не стараться. Я появилась у тебя на пути, потому что тебе требуется настоящий друг. А девушек за тобой выстроилась целая очередь вдоль променада, их там стоит больше, чем за пончиками. Я их видела. Красотки со всего побережья, от Уайлдвуд-Крест до Брилля, и все фланируют в надежде, что ты обратишь на них внимание. На что тебе еще и я?

– Все они чего-то хотят, – признал Саверио. – А чего хочешь ты? – Он засунул руки в карманы. – Ну, помимо работы, как у меня?

– Мне нужна услуга.

– Даже не сомневался.

– Причем совсем небольшая услуга. Мне бы просто хотелось, чтобы ты передал нашу запись Роду Роккаразо – пусть скажет, что он о ней думает. Я могу устроить, чтобы пластинка была готова прежде, чем ты уедешь. Может, он ее послушает и это его наведет на какие-то мысли. Сделаешь это для меня?

– С чего бы я стал это делать? – поддразнил ее Саверио.

– Потому что мы действительно отлично поем.

Она выглядела такой полной надежд, такой серьезной, что Саверио едва удержался от смеха.

– Ладно, Чичи.

– Передашь? Правда? Завтра она будет готова. – Чичи захлопала в ладоши. – Спасибо!

Ты настоящий принц!

– Сын итальянки всегда принц.

– Знаю. Но ты – добрый принц. – Чичи повернулась, чтобы идти домой.

– Слышь, Чичи?

– Чего?

– Ты меня раскусила.

Она улыбнулась ему, прежде чем подняться на крыльцо. На верхней ступеньке она обернулась:

– Слышь, Савви?

– Чего?

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть романтическим героем.

– Да я и сам так думаю.

– Тогда почему же ты постоянно ведешь себя так, словно в чем-то провинился?

Чичи вошла в дом и закрыла за собой сетчатую дверь.

Саверио постоял, изучая дом семьи Донателли, выстроенный в стиле кейп-код²⁸, с его побитой ветром серой черепицей и недавно обновленной желтой отделкой, и размышлял, каково оно – жить в таком доме. Мариано сам залил цементом и выложил сланцем дорожку, ведущую к двери. Узор ее голубоватых плит напоминал классики. Если у итальянца есть выбор, он всегда предпочтет сам заниматься работами по камню. По обе стороны дорожки тянулись одинаковые, ровно подстриженные островки зеленой травы, ветерок шевелил обрамлявшие крыльцо кусты осоки, а в ветроловке белые стеклянные диски, похожие на облатки, негромко отзывались нежную мелодию. Настоящий отличный дом для хорошей семьи.

Сквозь сетку на двери и в окнах до Саверио доносились их голоса, и звуки разговоров проплывали над его головой, как музыка. Такого рода общение можно найти лишь в сердце дома, где счастливо живет дружная сплоченная семья, где все понимают друг друга и говорят на особом общем языке.

Саверио не мог разобрать слов, долетавших до него сквозь дверь и окна, но когда кто-то смеялся в комнатах, этот смех звучал будто серебряные колокольчики, которые министр встряхивает в церкви. Священный звук. Во всяком случае, таким он был для него.

²⁸ Кейп-код – традиционный тип североамериканского загородного дома с симметричным фасадом, деревянной наружной отделкой, мансардными выступающими окнами. Название дано по полуострову Кейп-Код, где селились первые переселенцы из Англии.

Послеполуденное небо было испещрено лиловыми облаками, а похожее на желток солнце начинало закатываться за отель «Кронеккер».

Саверио приветствовал поцелуем в щеку свою мать, ожидавшую его на веранде. Мимо них возвращались домой после очередного дня на побережье запоздалые пляжники. Они несли на плечах зонты, как мушкеты, и размахивали пустыми корзинами для пикников в такт заключительным звукам концерта Джимми Арены и его оркестра, которые неслись из открытых окон, – радио передавало концерт. Когда они поворачивали на Сифорт-авеню, следом еще плыл ровный рев саксофона Джимми.

Розария обняла сына.

– Я рада, что нам удалось повидаться перед твоим выступлением, – сказала она.

– Ты хорошо выглядишь, мама. Даже немного *bronzata*²⁹ на джерсийский манер.

Розария поглядела на свои руки:

– А и правда. Кузина Джузи отвезет меня к поезду.

– В спальном вагоне тебе будет комфортно.

– О да, не сомневаюсь. Спасибо, что все так устроил. Ты ко мне слишком добр.

Саверио улыбнулся матери.

– Слишком добр к тебе? Такого быть не может.

– Я люблю Супер-Чиф³⁰. Там встречаются такие интересные люди. По пути сюда я играла в карты с дамами из Розето, штат Пенсильвания. Куда бы я ни поехала, везде нахожу друзей.

Розария сидела лицом к Оушн-драйв в плетеном кресле-качалке, уже одетая в свой лучший бежевый льняной костюм и обутая в туфли-лодочки. Ее чемодан, шляпная коробка и сумочка были аккуратно сложены пирамидой рядом с креслом.

– Я прекрасно провела эту неделю, – сказала она.

– Ты побывала на каждом концерте.

– Мне не хотелось пропустить ни одной ноты.

Саверио уселся на скамью напротив матери.

– Может, еще останешься? – предложил он.

– Кузине это бы понравилось, – признала Розария.

– Так оставайся!

– Я нужна твоему отцу.

– Уверен, он отлично справляется.

– Да, вполне справляется. Но когда я там и могу всем заниматься, он справляется куда лучше.

– Потому что ты готовишь и делаешь уборку.

– И это тоже. Но еще он там совсем один.

– Некоторым людям лучше в одиночестве.

– Он твой отец, Саверио. И он каждый день делает все, что в его силах, – мягко сказала она.

– Он выгнал меня из дома, Ма. Какой отец прогоняет своего единственного сына?

– Да, это было ужасно. Но мужчины часто делают подобные вещи, чтобы закалить своих сыновей, – старая история, ты ее найдешь во множестве книг, если поищешь в библиотеке. Отцам и сыновьям приходится нелегко. Но, уверяю тебя, он желает тебе только добра.

– Ну, допустим, хотя я в это не верю, но ведь он и с тобой обращается дурно.

– Не всегда.

– Он поступает так, как удобнее ему. Ты заслуживаешь хорошего отношения каждый день, с утра до вечера, и по ночам тоже.

²⁹ Загорелая (*ит.*).

³⁰ Супер-Чиф – поезд-экспресс повышенной комфортности, циркулировавший между Чикаго и Лос-Анджелесом.

- Спасибо за такие слова. Но я способна сама о себе позаботиться.
- О тебе должен бы заботиться твой муж.
- Он так и делает, – попыталась заверить сына Розария.
- Я тут подумал... – взволнованно заговорил Саверио. – Я уже несколько лет гастролирую, и мне удалось отложить немного денег. Я хочу отправить тебя в Тревизо. Почему бы тебе не съездить в гости домой, в Италию? Навестила бы кузин, повидалась бы с тетками и дядьями.
- Я уехала оттуда совсем маленькой и уже почти ничего не помню, – грустно покачала головой Розария.
- Но ты рассказывала мне об Италии. Мне казалось, это какое-то зачарованное королевство.
- Для меня так оно и было. Но я покинула ее ребенком, а когда дети покидают какое-то место, они часто фантазируют о нем, чтобы не терять связи. Сегодня я бы, наверное, даже не узнала Италию.
- Но ты по-прежнему переписываешься с семьей?
- Она кивнула.
- Уверен, они бы с радостью тебя приняли, и ты была бы там счастлива. Это пошло бы тебе на пользу. Ты ведь только что сказала, что везде находишь друзей.
- Мое место – рядом с твоим отцом.
- Она сказала это так твердо, что Саверио понял: вряд ли ему удастся ее переубедить.
- Значит, мне тебя не уговорить?
- Я принесла твоему отцу торжественную клятву. Ты когда-нибудь видел, чтобы я нарушила обещание? – улыбнулась она.
- Я бы тебе простил, если бы ты нарушила именно эту клятву.
- Не суди его так строго. Когда ты появился на свет, он держал тебя на руках бережно, как хрупкий хрустальный сосуд, очень боялся тебя уронить. Он был таким милым с тобой. Ты этого не можешь помнить, а я не забыла.
- Приятно было бы вспомнить хорошее. Но я ничего такого не припомню.
- Так будет не всегда.
- Мне не нравится, что ты там постоянно наедине с ним, что рядом никого нет. – Он с трудом подбирал правильные слова, чтобы в точности выразить то, что чувствовал. – Мне от этого беспокойно.
- Не стоит волноваться.
- Быть может, для сына единственный способ покинуть родной дом – это забыть его напрочь.
- Надеюсь, что так не будет.
- Мне там не рады. Ты это знаешь.
- Ты можешь приехать домой в любое время.
- Я не стал бы обрекать тебя на такое. Когда я там, он превращается в зверя.
- Ему приходится трудно. Он не понимает того, чем ты занимаешься. Считает это легкомысленным.
- Еще бы. Он грузит в печь песок, чтобы получить стекло, гнет спину, разливая эту лаву по формам. А дальше ее еще и нарезать надо. Однажды на его глазах человек остался без руки.
- Помню, – кивнула Розария.
- У него опасная работа, которая требует полного внимания. Он ее выполняет уже больше двадцати лет и весь уже, должно быть, заостенел и внутри, и снаружи от этой бесконечной рутины. Естественно, после такого ему кажется, что любой, кто не вкалывает как каторжный, до кровавых мозолей, и не трудится вовсе. Но в моем случае он ошибается. То, чем занимаюсь я, не так уж просто, и не каждый способен на такое.
- Я знаю, – сказала Розария.

- На самом деле я вовсе не люблю стоять перед зрителями.
 - Я думала, что ты уже привык.
 - Не привык. Иногда меня прямо трясет от нервов. И мне становится дурно.
 - Дурно? – Розария озабоченно наклонилась к нему.
 - Это называется «боязнь сцены». Порой меня рвет, а иной раз поднимается такой жар, что мне кажется, будто я вот-вот потеряю сознание.
 - Что ж, многое поставлено на карту, – сказала Розария. – Да еще и высокая конкуренция.
 - Одни ребята выпивают, чтобы набраться храбрости перед выходом на сцену. Другие курят. К нашим услугам богатый выбор пороков, чтобы отогнать страх или хотя бы притупить его. Но сам я просто вспоминаю заводской конвейер, и это дает мне силы продолжать. Я не хочу туда возвращаться. Не потому что это недостойное меня занятие, а потому что я для него не подходил.
 - Я пыталась объяснить это твоему отцу.
 - Па никогда этого не понимал. Он считал, что все очень просто. Ведь от меня требовалось всего лишь стоять у конвейера, безошибочно проделывать назначенную операцию и отправлять автомобиль к следующему рабочему. Но все куда сложнее. Мне надо было еще и оставаться тем же самым, постоянным, без отличий, изменений и отклонений, день ото дня, неделя за неделей.
 - Такое подходит не каждому.
 - Я видел людей, которые наслаждались работой на конвейере. Но меня она душила. По сей день, а ведь прошло уже шесть лет с тех пор, как я уехал, мне снится по ночам, как я держу гаечный ключ и одну за другой прикручиваю ручки к автомобильным дверям.
 - А твой отец зовет во сне своих товарищей.
 - Ничего удивительного. Такого рода работа просто становится частью человека. А вот выступать перед публикой – полная противоположность конвейеру, это возбуждение, которое приходит и уходит и длится не дольше представления. Люди идут к тебе в надежде, что ты им поможешь забыть о заботах, неоплаченных счетах и неумолимом начальстве. Музыка – их передышка. Танцы – их способ добиться девушки, и иногда, Бог мне свидетель, у них получается!
 - Я видела здесь своими глазами, как это происходит, – подтвердила Розария.
 - В каждом городе одно и то же. Быть может, мы и правда помогаем им отвлечься от мыслей о том, чего у них нет и никогда не будет. И им вовсе не хочется видеть перед собой какую-то робкую фиалку.
 - На сцене ты смотришься непринужденно.
 - Таким мне и хочется быть. Но на большинстве выступлений, когда мне кажется, что у меня неважно выходит, или мистер Р. говорит, что у меня голос как терка, или клуб отказывается нам платить, веселого мало. За нами Генри Форд не стоит.
 - Поэтому твой отец и переживал так.
 - Нет, он переживал, потому что у него хорошо получается быть несчастным. А радоваться – за тебя, за меня, за кого угодно – он не умеет. Ему досталась лучшая в мире жена, а он тебя не ценит.
 - Он вырос в такой бедности...
 - Ты тоже. Но ты умеешь любить.
 - Я пробовала научить его этому.
 - Некоторые люди просто необучаемы. Вот смотри, у него есть один-единственный сын. Я даже взял себя в руки и пошел работать на завод – думал, теперь-то он увидит, что со мной все в порядке, что я хороший сын. Но даже этого оказалось недостаточно. Честно тебе говорю: гордись он мной, я бы до сих пор стоял у конвейера.
- Розария открыла сумочку и достала носовой платок.

- А ты бы не мог время от времени ему писать? – Она промокнула глаза платком.
- Зачем?
- Чтобы сообщить, что у тебя все хорошо.
- Скажи ему об этом сама.
- Это не то же самое. Сделаешь это ради меня?

Саверио вздохнул:

- Только ради тебя, мама. Сделаю. А тебе самой что-нибудь нужно?
- Ничего.
- Таких женщин, как ты, уже не бывает. Нынешние девушки много чего хотят.
- Где ты этих девушек находишь?
- Да везде.
- Везде – плохое место для таких поисков, – сказала Розария. – Берегись этого *везде*. Что тебе нужно – это приличная итальянская девушка, которая находится там, где надо.
- Ты так считаешь?
- Я не хочу, чтобы ты растерял все, чему я тебя научила.
- Мама, такое невозможно, даже если очень стараться.

В студии звукозаписи «Магеннис Рекордс» в Ньюарке четыре проигрывателя одновременно играли по одной готовой пластинке. По субботам здесь бывало тесно – бэк-вокалисты, певцы по выходным, любители и полупрофессионалы являлись сюда за своими самопальными записями, которые собирались разносить по павильонам, танцплощадкам и радиостанциям на всем побережье в надежде быть замеченными.

- Папа, ты сколько штук заказал? – спросила Чичи.
- Шесть. Сегодня пойдем к важным людям.
- И на радиостанцию?
- Она у меня в списке. Та, что базируется в Маве.
- Ага. Они сыграли запись «Сестер Мандаролла» из Фрихолда. И «Сестер Теста» из Норт-Провиденса, штат Род-Айленд. Обе песни попали в хит-парады, а «Сестры Теста» еще продолжают идти вверх.

- А ты откуда знаешь?
- Из журнала «Музыкальный хит-парад». Я его читаю в библиотеке. И написала каждому упомянутому там администратору ансамбля.

- Кто-то клюнул?
- Сразу, едва отправила.
- Мосты – это важно. Их надо не сжигать, а наводить и переходить. И еще чинить.
- Я хочу дать одну пластинку Саверио.
- Вот и дай.
- Его автобус отъезжает в четыре часа, – беспокойно сказала Чичи. – Мы успеем?

Мариано поглядел на часы:

- Почему бы и нет?

Сотрудница студии установила на проигрыватель пластинку с записью «Скалки моей мамы».

- Я выбью на кассе чек, а вы пока послушайте, – предложила она.

Чичи и Мариано наклонились поближе, стараясь не пропустить ни одной ноты.

– Хорошо вышло, папа. Лучше всего, что мы до сих пор записали, – удовлетворенно заметила Чичи.

Продавщица протянула Мариано сдачу.

- Девушкам в студии эта песня ужасно понравилась.

Мариано оставил открытыми окна в своем дряхлом «хадсоне» 1926 года. Даже на максимальной скорости грузовик выжимал не больше сорока миль в час. Чичи держала на коленях пластинки. Они катили по трассе 81, и почти каждый автомобиль их обгонял, даже какой-то дряхлый драндулет с тарахтящим двигателем и откидным сиденьем.

– Не знаю, по какому адресу его потом найти, – беспокожно проговорила Чичи, вглядываясь в дорожное движение.

– Тебе нравится этот Саверио, правда?

– Он ничего.

– Чич, ну я же вижу, он тебе нравится.

– Не могу сказать, что я от него без ума.

– Я же не сказал «влюбилась». Я говорю – «нравится».

– Он знает много такого, чего не знаю я. Мы подружились.

– Я пытаюсь до тебя донести, что ты ему тоже нравишься.

– Мне его жалко.

– Почему это?

– Да какой-то он недотепа. В любом случае у меня сейчас другие заботы. Например, как бы пропихнуть эту запись в эфир.

– У тебя все получится.

– Не знаю, Па. Иногда я начинаю сомневаться.

– Доверяй своему слуху. Ты пишешь отличные песни и поешь не хуже тех, кто уже на сцене. Верь в себя. Ты знаешь себе цену. Надо верить и надеяться.

– Что такое «верить»? – Чичи помахала рукой, выгоняя в окно назойливую муху.

– Ты восемь лет училась у салезианок³¹ – и до сих пор не знаешь ответа?

– Я, наверное, могу объяснить, как они это понимают. А как это понимаешь ты?

– Верить значит быть отважным. Это негласный договор между Богом и твоей душой, согласно которому ты обещаешь, что все отпущенное тебе время ты не перестанешь делать то, для чего был рожден.

– Где ты это слышал?

– Сам придумал. *Coraggio*.

– Храбрость. – Чичи негромко фыркнула. Последний раз она слышала это слово, когда Саверио Армандонада сказал, что у нее это есть.

– Вот-вот, храбрость. Ты знаешь, что именно работает.

– Разве?

– Да, знаешь. Тебе дается лишь одна попытка прожить эту жизнь. Используй ее.

– Папа, я лучшая обметчица петель в отделочном цехе «Джерси Мисс Фэшнз».

– И в этом нет ничего плохого. Но у тебя есть и другие умения, от Бога.

– Ты считаешь, что я пою на уровне солистки?

– Вне всякого сомнения. Но нужно, чтобы и ты в это поверила.

– Я хочу стать солисткой.

– Хотеть тоже важно. У тебя получается все, за что ты берешься. Одна только фабрика чего стоит. Но не достаточно просто зарабатывать жалованье и покупать облигации, Чич. Мы видим успех не так. Это успех по-американски.

– Но мы ведь американцы, Па.

– Верно, но мы также итальянцы, а значит, деньги для нас не главное. Это не цель. Деньги ничего не доказывают. Вон белка тоже успешно копит орехи. Но она так и остается белкой, и

³¹ Салезианки – католические монахини ордена св. Франциска Сальского. Посвящают себя главным образом уходу за больными и воспитанию молодых девушек.

это всего лишь орехи, сколько бы она ни накопила. *Va bene?*³² Итальянцы жаждут искусства, как твое начальство жаждет прибыли. Смогла бы ты прожить счастливую жизнь, работая на фабрике? Конечно. Тебе это под силу. Но тогда ты проведешь годы до самой смерти, воплощая чужие мечты, а не свои.

– Помогая мистеру Альперу разбогатеть.

– Будь благодарна за свою службу, но не будь ее рабыней. – Мариано затормозил на автобусной остановке у пирса Си-Айла. – Люди богатеют благодаря риску. То одно попробуют, то другое. Надо тянуться все выше, пользоваться шансом. Такие люди слушают только свое сердце.

Стайка девушек в шортах и купальниках как раз расходилась с остановки. Чичи выпрыгнула из кабины грузовика с пластинкой в руках.

– Эй, а где автобус Рода Роккаразо? – спросила она.

– Он уже уехал, – бросила через плечо одна из девушек, обмахиваясь фотографией оркестра с автографом.

– Как это? Они ведь должны были отъехать в четыре часа! – огорчилась Чичи.

– Не знаю, в три они уже отчалили, – пожалла плечами другая девушка и пошла дальше, облизывая рожок мороженого.

Чичи вернулась в грузовик.

– Мы их упустили, – вздохнула она.

– По крайней мере, ты попыталась, – пожал плечами отец.

– Не будь наш тарантас таким старым, мы бы нагнали автобус у выезда на магистраль и я бы передала ему это, – задумчиво проговорила Чичи, вертя на пальце предназначенный Саверио экземпляр пластинки.

– За автобусом мы гнаться не станем, – твердо заявил Мариано.

– А если это наш последний шанс?

– Думай головой, девочка. Мы ведь знакомы с его кузиной. Отнесем пластинку Джузи. У нас есть связи!

В автобусе «Музыкального экспресса Рода Роккаразо» были открыты все окна, и пассажиров обдувало горячим воздухом, от которого становилось еще жарче. Музыканты распустили узлы галстуков и распластались на сиденьях, устраиваясь поудобнее, – дорога до Ричмонда, штат Вирджиния, предстояла долгая.

– Надеюсь, теперь уж с местными полуголыми красотками покончено, – фыркнула Глэдис, открывая иллюстрированный журнал и рассеянно его перелистывая.

– О чем это ты?

– У меня же есть глаза, Саверио.

– Может, тебе к ним нужны очки.

– Может, тебе нужно научиться держать себя в руках.

– Если хочешь знать, в Си-Айл-Сити я был тебе верен, – заявил Саверио.

– Ясно. – Глэдис закрыла журнал. – А знаешь, в кои-то веки я тебе верю.

– Это правда.

Глэдис чмокнула его в щеку.

– Хотя время от времени почему бы и не позволить тебе повращаться среди своих.

– Э-э?..

– Ну, среди макаронников.

³² Хорошо? (ит.)

Саверио подумал, не возмутиться ли. Когда он работал на заводе «Ривер Руж», слово «макаронник» считалось оскорблением, и Глэдис, без сомнения, знала это. Но до Вирджинии было еще далеко, и ему не хотелось ссориться все оставшиеся пятьсот миль пути.

– Ага, это и есть мой народ.

– По крайней мере, они покупают билеты на наши концерты, – пожала плечами Глэдис.

– Да. Покупают. За свои потом и кровью заработанные монеты. – Саверио вытянул ногу в проход между сиденьями, откинулся на спинку, закрыл глаза и надвинул пониже на лоб свою шляпу-федору.

– Ты что, всерьез намерен уснуть? Ты же только что проснулся, – заныла Глэдис.

– Я устал, лапочка.

– Ты вечно уставший.

Саверио поерзал, скрестил руки на груди и промолчал. Его так и подмывало выложить Глэдис, что устал он прежде всего от ее бесконечных придирок, но это бы просто привело к новым упрекам. К тому же ей случалось вести себя с ним куда приветливее, а лучшей соседки по комнате для гастролирующего мужчины еще поискать. Она о нем заботилась, утюжила его рубашки и смокинг, как это делала бы мать, следила за его питанием, и этим плюсы подобного соседства еще не исчерпывались.

– Я понимаю, что тебе нужно отдыхать, – продолжала Глэдис. – Потому я и отправила тебя на пляж. Я знаю, что ты любишь солнце. Чернявые без солнца не могут.

– *Grazie*.

– Я не возражала против того, чтобы остаться в гостинице и заняться стиркой. Выгладила все твои рубашки. Накрахмалила воротнички и манжеты ровно так, как ты любишь.

– Ах ты моя куколка.

– Да, я твоя куколка, малыш. – Глэдис погладила его по щеке. – И я здесь для того, чтобы облегчить тебе жизнь.

– И облегчаешь, спору нет. – Саверио наклонился к ней и поцеловал ее в губы, затем принял прежнее положение и снова закрыл глаза. Глэдис склонилась над ним, щекоча его ухо кончиком носа.

– Моя мама спрашивает, когда мы поженимся, – с нежностью проговорила Глэдис. – Хотелось бы дать ей хотя бы приблизительный ответ.

Саверио выпрямился в кресле и сдвинул шляпу на макушку.

– Я пока не готов к женитьбе, – пробормотал он.

– Да ну.

– Я не шучу. Честно – не готов я.

– Но я поняла... я думала... – Голубые глаза Глэдис наполнились слезами. Она быстро поморгала, не позволяя себе заплакать. – Ты ведь дал мне понять, что мы поженимся во время этих гастролей. Ты мне обещал.

– Когда это я обещал?

– Сам знаешь когда, – прошептала она.

– Глэдис, ты особенная девушка, но мужчинам свойственно говорить всякое такое.

Ее лицо приняло обиженное выражение.

– Ты меня не любишь!

– Этого я не говорил.

– Либо любишь, либо нет.

– Я испытываю к тебе глубокую привязанность, – заявил Саверио.

– То есть? – повысила голос Глэдис.

Саверио окинул взглядом салон автобуса. Многие музыканты уснули, а остальные недвижно растеклись в креслах, как пальто, наброшенные на спинки стульев. Ударник и тром-

бонист уселись на заднем сиденье со сложенным гармошкой спортивным разделом газеты. Они прикидывали, на каких лошадях поставить, как только приедут в Ричмонд.

– Привязанность – это такое чувство, – прошептал Саверио.

– Я не потому о тебе забочусь, что испытываю к тебе привязанность! Я забочусь о тебе, потому что люблю, – выпалила Глэдис. – Моя мать ожидает, что я вернусь домой в сопровождении мужа – я ей пообещала, что так будет. И вот что ты теперь намерен делать?

Саверио хотелось остаться с Глэдис, но не навсегда, и хотелось ему этого не настолько, чтобы предложить ей замужество. Он решил было сказать ей что-то осторожное и обдуманное, то тут же понял, что слишком устал, чтобы торговаться.

– Ничего, – ответил он.

– Ты не собираешься дарить мне кольцо?

– При нынешней конъюнктуре – нет.

– Какая еще конъюнктура? Кто вообще так разговаривает?

– Мужчина, который не намерен делать предложение.

– Ты только о себе и думаешь.

– Вполне возможно.

– Возможно? Так и есть. Спроси у меня, уж я-то знаю точно.

– Глэдис, а мы не можем это обсудить позже?

– Не вижу, почему нельзя этого сделать сейчас.

– Сейчас мы в автобусе. Вместе с оркестром. Хуже времени для такого разговора и быть не может.

– У меня секретов нет. Я думаю, что я тебе просто наскучила, вот в чем тут дело. Тебе надоело. – Она резко отвернулась и уставилась в окно.

Нью-джерсийская магистраль была просто ровной лентой серого асфальта, которая разворачивалась под колесами автобуса и, казалось, нигде не заканчивалась. Округлые зеленые холмы тянулись по обе стороны шоссе, как оборки на пышной юбке.

Саверио наклонился к Глэдис.

– Прости, – сказал он.

– Извинения приняты.

– Спасибо. – Саверио снова откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Ты это серьезно? – возмутилась девушка.

Саверио открыл глаза:

– Не понял, что еще?

– Мы так и не решили вопрос нашего предстоящего бракосочетания.

– Глэдис, никакое бракосочетание нам не предстоит.

– Неужели ты не видишь, как я несчастна из-за тебя? – прошептала она. – Ты меня унижаешь, не предлагая мне руку и сердце.

– Ну-ну, детка, – поддразнил ее Саверио, – весь этот джаз пока не для меня.

Глэдис не оценила юмора.

– Ты выражаешься совсем как какой-нибудь заезжий барабанщик. Подобные легкомысленные высказывания ниже твоего достоинства. И, будь так добр, не забывай, с кем разговариваешь. – Она пригладила юбку. – Вконец обнаглел.

Саверио провел руками по бедрам и повернулся лицом к девушке:

– Тебе ведь вообще не нравятся итальянцы.

– Мне не нужно выходить замуж за всю Италию. Я могу выйти за одного из вас, с этим я справлюсь.

– В Олбани ты меня обозвала чесночником, – напомнил ей Саверио.

– Ты меня тогда вынудил! А сейчас испытываешь мое терпение.

– Я тебя хоть раз обозвал как-нибудь? Оскорбил? Плохо с тобой обошелся?

– Я отдала тебе всю себя, – прошептала она.

– И я тоже отдал тебе себя всего. Разница в том, что я не прошу ничего взамен.

– Тут речь вовсе не об обмене, – объяснила она. – Речь об обещании, о выраженном намерении одного человека, который влюблен в другого, почтить эту любовь брачным обетом.

– Не помню, чтобы я выражал такое намерение.

– С тобой невозможно разговаривать! – Глэдис выдвинула подбородок вперед. – Знаешь что, мне это ни к чему. И уж ты мне точно ни к чему.

Глэдис во всех отношениях походила на тех эффектных девушек, которые появляются в рекламе белья на цветной вставке в разделе светской хроники любой воскресной газеты, от Чикаго до Палм-Бич. Она казалась страстной и при этом сохраняла что-то от девственной свежести. Нельзя было отрицать, что ее красота оставалась неизменной при любом настроении. Фигура у нее была идеальных пропорций, словно отменно выверенная инженерная конструкция: точно рассчитанные изгибы подчеркивали ровные линии силуэта. От льняных слегка выющихся волос будто веяло свежестью летнего дождя.

Глаза у Глэдис были того ледяного синего оттенка, который встречается у девушек из стран Северной Европы, где текут холодные реки; с тамошними народами ее роднили и черты лица, и решительность. Самоуверенность поддерживала ее, как внутренний стержень, и Саверио находил это любопытным у певички, путешествовавшей с компанией мужчин, многие из которых, честно говоря, не отличались твердыми моральными принципами. Но Глэдис никогда не позволяла своему окружению или тем, кто находился рядом, определять ее самооценку или занижать ее ценность в собственных глазах. Она была способна обольстить, ослепить и отвергнуть мужчину, пока медленно натягивала на руку белоснежную лайковую перчатку. Глэдис Овербай умела заставить мужчин встать столбом и глазеть на нее с изумлением, как на яркую сойку среди снежной равнины.

Саверио прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Запах ее духов – гардения – кружил ему голову. Он не хотел с ней расставаться.

– Прости меня, пожалуйста, – проговорил он.

– Никогда, никогда, слышишь – никогда больше я не приму извинений от типов вроде тебя, – сказала она. – Ты говоришь «прости» так же легко, как нормальные люди говорят «Мне пирожок, будьте добры». Я больше не верю ни одному твоему слову. Тебе больше не удастся меня обдурить. Отныне ты сам по себе, мистер А.!

Она встала, держась за спинку переднего сиденья, с болтающейся на запястье сумочкой перелезла через колени Саверио и вышла в проход между креслами. Автобус катил дальше. Шофер посмотрел в зеркало заднего вида и снова перевел взгляд на шоссе.

Глэдис поправила юбку, выпрямила спину, прошла к задним сиденьям и уселась впереди поглощенных ставками музыкантов.

Не поднимаясь с кресла, Саверио обернулся и покачал головой, однако ему хватило ума не идти за ней. Они уже разыграли достаточно безобразных сцен на глазах у ансамбля – и в автобусе, и за кулисами, и в бесчисленных гостиничных фойе и коридорах. Придется что-то придумать, чтобы вернуть себе ее расположение. Все-таки, если ты постоянно в дороге, такая партнерша дорогого стоит. Когда он шел пропустить стаканчик с ребятами после выступления, ему никогда не составляло труда найти потом свой номер в любой гостинице посреди ночи – он просто следовал за ароматом духов Глэдис и оказывался у нужной двери. Расставшись с ней, Саверио многое бы потерял. А что, ведь брак может в итоге оказаться отличной – и очень практичной – идеей.

Глэдис устроилась в кресле у окна, положила сумочку на свободное сиденье рядом с собой и уставилась в окно. На этот раз она действительно окончательно порвала с Саверио.

В этом она была уверена – ведь сейчас она не рыдала. Достаточно она уже наплакалась из-за этого бесчувственного итальянца.

При этом девушка была совершенно сбита с толку. Итальяшки ведь вроде бы страстная нация? Угораздило же ее влюбиться в единственный снулый экземпляр со времен сердеедов Борджиа. Вот так всегда. Но больше она такого терпеть не станет – ни минутой больше, ни городом, ни концертом, о нет.

Глэдис Овербай была родом из Миннесоты. Она умела распознать момент, когда рыба уже точно не клюнет и пора убирать наживку, сматывать удочки, грести к берегу и кончать на этом. Она сделала все, что смогла, чтобы поймать парня на живца, но он явно не собирался попадаться на крючок. Хватит с нее. Надо жить дальше. А матери, которая ждет ее в Хиббинге, придется это понять.

Саверио снова вытянул ногу в проход между креслами, надвинул на лоб шляпу, откинулся на спинку и в очередной раз закрыл глаза. Вскоре он крепко спал, как обычный, ничем не взволнованный человек с кристально чистой совестью. Он не пошевелился, пока автобус не вырулил на круговой проезд к отелю «Джефферсон» в центре Ричмонда. Проснулся Саверио, лишь когда водитель автобуса стал трясти его за плечо. Салон уже опустел, остался только легкий след духов Глэдис Овербай – стертый аромат гардении.

– Мы приехали? – Саверио потер глаза.

– Ты-то точно приехал, – сказал водитель. – Вот твоя сумка и твое укулеле.

– Это мандолина, – поправил Саверио, принимая свой багаж.

– Точно. Ты же итальянец, да?

– С самого рождения, – ответил Саверио, выходя из автобуса и направляясь к дверям гостиницы.

4 Июль 1938 года

*Accelerando*³³

Чичи поправила канотье, пока Мариано заруливал на парковку радиостанции в Атлан-
тик-Сити. Она открыла пудреницу и быстро провела пуховкой по носу.

– У нас все получится, Чич! Это знак свыше! – заверил ее отец. – Вот почему никогда
нельзя сдаваться. Может, мы и упустили тот автобус, но зато поспеем к золотой карете!

Окрыленная надеждой Чичи выпрыгнула из кабины грузовика, подбежала ко входу на
радиостанцию и протолкнулась через стеклянные двери, сжимая в руках новенькую пластинку
«Скалка моей мамы». Она присоединилась к очереди у стойки приема посетителей. Ее кон-
куренты опускали свои пластинки в корзину у окошка стойки. Чичи собиралась было после-
довать их примеру, но передумала. Вместо этого она просунула голову в окошко.

– Я пришла к мистеру Гиббсу, – заявила она.

– Положите в корзину. – Немолодая сухощавая дежурная склонилась над пишущей
машинкой, как подтаявшая свеча, и стучала по клавишам, не поднимая головы.

– Это не просто очередная пробная запись, – объяснила Чичи, пытаясь перекрыть
тархтенье машинки. – Понимаете, я Чичи Донателли, из ансамбля «Сестры Донателли». А
здесь – новая песня, исполненная моими сестрами и Саверио Армандонада, солистом оркестра
Рода Роккаразо.

– Это что, обеденное меню в ресторане «Солнечная Италия»? – пошутила дежурная,
разворачивая кресло в сторону Чичи. – Вы по поводу конкурса пришли?

– Да. Он сказал, что нужно сдать пластинки до пяти часов, осталось еще десять минут.
Вот это – моя песня. Она особенная, и мне нужно с ним поговорить. Будьте так добры! – Чичи
изучила табличку с фамилией на бюро. – Прошу вас, мисс Шлезингер!

– Я не мисс Шлезингер, я мисс Петерсон. Меня нанимают на выходные, – устало объяс-
нила дежурная. – Нам таблички не положены.

– Тогда простите. А я вам прощаю шуточку про «Солнечную Италию». Кстати, настоящие
итальянцы туда не ходят. Мы обедаем в «Везувии». – Чичи покосилась на висящие над бюро
часы. – Можно мне поговорить с мистером Гиббсом?

³³ Ускоряя темп (ит. муз.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.